МОЛОТ

литературно-художественный журнал ТЮЛ.А.П.П.

2583

СОДЕРЖАНИЕ.

РАССКАЗЫ:

ДВА КАРЛА — перевод с немецкого.
ВТОРАЯ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ — А. Медведев.
ВСТРЕЧА — Ан. Кремень.

СТИХИ:

ПУШКИН — А. Алдан.
О ЛЕНИНГРАДЕ — И. Костин.
РЫБАКИ — М. Рудин.
НА ПОЖАРИЩЕ — В. Иванов.

ОЧЕРКИ:

НА ВЕЛИКИХ РАБОТАХ — М. Кольчугин.

СТАТЬИ:

ЗА БОЛЬШЕВИЗАЦИЮ РЯДОВ ПРОЛЕТАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ — М. Мосолов.
НЕГОДНАЯ ЦЕЛЬ—НЕГОДНЫЕ СРЕДСТВА—Ярцев.
ТУЛЬСКИЙ ТРАМ —Мих. М.
БИБЛИОГРАФИЯ.
В ТАПП'е — хроника.

Декабрь 1929 года. № 12

За большевизацию рядов пролетарской литературы.

РЕКОНСТРУКТИВНЫЙ период, в который вступила наша страна, характеризуется развернутым наступлением социалистических элементов на всех участках строительства. Победив капитализм в открытых боях, пролетариат, под руководством ВКП (б), ставит сейчас основной задачей окончательно вытеснить его охвостья из экономики и идеологии.

Однако, отступающий врассыпную по всему фронту классовый враг стремится всячески помешать нашему продвижению вперед, удержать за собой теряемые позиции. Наша эпоха — эпоха развернутой и обостренной борьбы двух классов, двух систем: социалистической и капиталистической, в которой исторически обеспечена победа социалистической системе. Наша задача заключается в том, чтобы эту победу всемерно ускорить.

Если мы систематически и победоносно бьем врага на участке экономики, то несравненно трудней осуществить это на идеологическом фронте, в частности в области художественной литературы. Здесь наши силы недостаточно крепки, сплочены и в должной степени вооружены марксистско-ленинской теорией.

Именно поэтому классовому врагу удается временно и частично задерживаться дольше на заранее занятых позициях, пользуясь чаще замаскированно, а иногда и открыто, и не без успеха, оружием буржуазной идеологии на литературном фронте и протаскивая ее элементы в художественную литературу.

Воинствующий буржуа на литературном фронте—реальная сила, которую необходимо учитывать. Об этом достаточно отчетливо сигнализируют нам события сегодняшнего литературного дня.

Стоит вспомнить такие, направленные явно против советской общественности, выступления, как последние произведения *Пильняка* («Красное дерево», «Че-че-о» и др.), Замятина («Мы»), Мариенгофа («Циники»), Куклина («Краткосрочники») украинских «конструктивистов - спиралистов» (Октябрьский № журнала «Авангард») и ряда других, явное тяготение *вправо* некоторых попутчиков (Иванов, Шишков, Сейфулина и др), чтобы ясно понять одно бесспорное положение: *совершается концентрация* (сосредоточение) *всех сил необуржуазной и право-попутнической литературы, стремящейся к сохранению немногих позиций реакционной, глубоко враждебной нам буржуазной идеологии на литературном участке культурного фронта.*

Надо прямо сказать, что эти попытки не всегда во-время распознаются нами, получают правильную классовую оценку и встречают должный отпор. Именно усилившееся стремление нео-буржуазных писателей к отпору общему победоносному наступлению пролетарской идеологии на литературном фронте, а также частичная слабость некоторых пролетарских литературных аванпостов ставят с особенной остротой вопрос о перестройке методов и форм работы РАПП'а для завоевания гегемонии (господства) пролетарской идеологии на литературном фронте.

Последний пленум РАПП'а прошел под знаком обостряющейся классовой борьбы в области литературы и искусства. В связи с этим все его решения направлены к пропаганде одной общей идеи: необходимости концентрации сил пролетарских писателей и большевизации их рядов для организованного зарабатывания и осуществления гегемонии пролетарской литературы, для укрепления позиций воинствующего диалектического материализма на литературном фронте.

В чем заключается большевизация движения пролетписателей по решениям 2-го пленума РАПП'а?

Большевизация должна выразиться, во-первых, в повышении классовой значимости творчества пролетарских писателей. Проблема живого человека - пролетария, активного участника социалистической стройки, отображение полноценной эпохи социалистического строительства во всем ее многообразии, наконец, показ взаимоотношений личности и общества, разрешение вопроса об увязке индивидуального и социального—вот основные вопросы, над которыми должна сейчас работать творческая мысль пролетарских писателей. Но правильное разрешение этих проблем невозможно без повышения марксистско-ленинского уровня пролетписателей, без глубочайшего понимания ими сущности ленинской диалектики. Без углубленной учебы, без усвоения сущности марксизма и ленинизма, без умения применять метод диалектического материализма в своем творчестве пролетарский писатель не сможет стать певцом, глашатаем и *организатором* своего класса.

Улучшение учебно-методической и консультационной работы (до сих пор поставленной явно неудовлетворительно) должно итти рука об руку с вовлечением пролетарских писателей в углубленную политическую учебу, которая до сих пор также была в загоне.

Отчетливое об'единение в литературе классово - враждебных пролетариату сил с необыкновенной остротой выдвигает перед РАПП'ом задачу противопоставить этим силам сплоченный фронт всех революционных, в первую очередь коммунистических, литературных сил, усилить борьбу за колеблющиеся слои попутчиков для совместного сокрушительного отпора необуржуазной литературе. До сих пор РАПП'овские организации не подошли вплотную к работе с попутчиками и теми писательскими об'единениями, основную массу которых попутчики составляют. Работа в ФОСП, в частности в ВССП, была явно недостаточной. Это показало дело Пильняка и Замятина. Это дело имело свою положительную сторону: оно резко поставило перед попутчиками вопрос: «с кем они?»—и тем ускорило политическое размежевание попутничества и перестройку ВСП. Это обстоятельство РАПП сейчас должен всемерно использовать для помощи левой части попутчиков быстрее политически определить себя и для усиления влияния на колеблющиеся ряды попутничества.

Недостаточное внимание уделял до сих пор РАПП и крестьянскому сектору в литературе (ВОКП), несмотря на то, что за последнее время крестьянская литература значительно возросла, творчески окрепла и завоевала своего читателя (Панферов, Замойский, Кочин, Дорогойченко и ряд др.). Идейное руководство крестьянскими писателями и перевод тех из них, которые отражают настроения бедняцко-середняцких слоев крестьянства, на рельсы пролетарской идеологии, — насущнейшая задача РАПП'а, тем более необходимая, что именно пролетарской литературе принадлежит историческая роль гегемона по отношению к своему союзнику—литературе крестьянской.

Однако, проведение большевизации РАПП'а определялось пленумом не только по линии разрешения творческих проблем в пролетарской литературе. Большевизация предполагает одновременно и разрешение таких организационных вопросов, как увеличение удельного веса в организации рабочего ядра и превращение его в основное ядро РАПП'а. До сих пор в рядах РАПП'а много наносного, ненужного, а порой и прямо вредного, и в то же время охват начинающих рабочих писателей-одиночек РАПП'овскими организациями недостаточен. Удалить чуждые элементы и творческий баласт, избавиться от тех, кто не хочет учиться и работать над собой,— очередная задача организаций РАПП'а, подчеркнутая в решениях пленума.

Параллельно систематическому очищению своих рядов, РАПП'овские организации должны вплотную подойти к выполнению лозунга: *„РАПП—на предприятия!"*. Организация литкружков на фабриках и заводах и правильно налаженное руководство ими, помощь в проведении массовой работы на производстве и включение себя в работу всех общественно-культурных организаций вот очередное практическое дело каждой РАПП'овской организации.

Но, несмотря на то, что правильная политика по отношению к писательским группировкам и перестройка системы работы РАПП'а обеспечивают зарабатывание пролетписателями гегемонии на литературном фронте и помогают большевизации рядов пролетарской литературы, ограничиваться в практической работе только этими задачами было бы неверно. Для успешного и полного осуществления лозунга большевизации РАПП'у необходимо пропитать свою внутреннюю работу четким политическим содержанием и преодолеть как стремления отдельных товарищей сползти на рельсы буржуазно - демократического культурничества, так и рецидивы богдановщины—пролеткультовщины, т.-е. своеобразной разновидности «литкомчванства», резко осужденного известной резолюцией ЦК партии о художественной литературе.

И если сейчас партия свой основной удар направляет против правого уклона и примиренческого к нему отношения, не ослабляя в то же время борьбы с отрыжками троцкизма и «левыми загибами», то для РАПП'а в данное время основной опасностью также является правая опасность. Конкретно эта опасность выражается в примиренчестве к буржуазным тенденциям в литературе, в некритическом отношении к старому культурному наследству, в формалистских уклонах в критике и в художественном творчестве, в мещанско-обывательских настроениях, переносимых в творчество ряда членов РАПП'а, и т. д.

Вот почему пленум РАПП'а с особенной остротой подчеркнул необходимость усиления борьбы с правым уклоном в рядах РАПП'а, одновременно решительно борясь и с «левыми загибами», выражающимися в непонимании важности срабатывания с попутчиками, в огульном отрицании старого культурного наследства и необходимости длительной и углубленной *учебы, в скате* к богдановским и лефовским теориям *).

Конечно, было бы глубоко неверным искусственно разделять «внешнюю политику» РАПП'а с его внутренней работой по большевизации своих рядов. Все это представляет собой общий комплекс, определяемый одной основной установкой, — необходимостью быстрейшего осуществления гегемонии пролетарской литературы. Этой задачей определяется и увязка работы РАПП'а внутри и вне своей организации, тактика и стратегия его борьбы на литературном фронте, основные вехи которой наметил в своих решениях 2-ой пленум РАПП'а.

М. Мосолов.

---

*) Здесь ничего не сказано о позиции «Кузницы», которая достаточно полно разобрана в статье тов. Ярцева, напечатанной в этом же номере. М. М.

Рис. А. Лесного.

Два Карла

К 10-ТИЛЕТИЮ КИМ'а.

(Перев. с немецк.).

В этом коротком рассказе дан яркий штрих героической борьбы германской рабочей молодежи в дни реакции. Молодежь, воспитанная Карлом Либкнехтом, не страшась отдавала свою жизнь за дело рабочего класса.

Эту героическую историю рассказал нам Роберт Квельц, подручный слесарь завода Шлезингера в Гамбурге.

Мы заседали тогда в полуподвальном помещении почти развалившегося дома на Грюнштрассе. Было это в тяжелые дни реакции, после подавления гамбургского восстания.

Помню, нам удалось тогда по дымоходным трубам разрушенного орудийными снарядами квартала, окруженного в те тревожные дни конной и пешей жандармерией, под страхом смерти, пробраться на это конспиративное собрание местной комсомольской группы, чтобы всем сообща сговориться о предстоящем.

Время было позднее. По мостовым Гамбурга, напоенным рабочей кровью, уже не шли трамваи и автобусы.

В нашей каморке мерцал бледный свечной огарок.

Измазанные сажей, мы походили на негров и, окружив Роберта тесным кольцом, затаив дыхание, жадно вслушивались в его слова.

Вот что рассказал Роберт:

— Все вы знаете Карла Ротера, а ты, Макс, особенно, потому что вы вместе работали с Либкнехтом... Так вот, когда начались повальные обыски и аресты, сопровождавшиеся разнузданным издевательством над нашими товарищами, полиция усилила поиски Карла, неоднократно в течение нескольких месяцев счастливо избегавшего рук этой сволочи. В последний раз, скрываясь от шпиков, он поступил несколько неосторожно: зашел к Гертруде Минк, которую вы также все знаете, для того, чтобы передать ей текст составленного им ночью воззвания для напечатания в нашей подпольной типографии и распределения по заводу.

— О! я помню это воззвание! — перебил рассказчика Густав Шницлер. — Оно было написано огненными словами, и восставшие читали его нараспев. Карл вложил в него всю силу своей мысли и слога.

— Так слушайте же дальше, друзья! — продолжал Роберт. — Выйдя от Гертруды, Карл осмотрелся и, не заметив за собой слежки, направился домой. А дома он уже не был в течение двух месяцев, хотя и находился все время в этом же городе и скрывался почти рядом. На этот раз его перехитрил подлый шпион, и Карл, не замечая его, быстро шел домой.

Роберт закашлялся, а мы придвинулись к нему ближе и не могли удержаться, чтоб в «крепких» выражениях не обругать шпика, следовавшего по пятам за Карлом.

Наконец, Роберт откашлялся и продолжал:

— Но не все вы, вероятно, знаете его младшего двенадцатилетнего братишку, тоже Карла, о котором, собственно, я и хочу вам рассказать.

Не все мы знали младшего Карла, но Герман, усевшийся на ящике рядом с Робертом, при произнесении этого имени вскочил и вскрикнул:

— Как же, как же! Мы его знаем. Неужели же вы не помните парнишку, который приносил нам в дни борьбы провизию и выполнял всякие поручения Курцлендера—начальника баррикады?

— Баррикада Курцлендера... Да, да,—и мы, действительно вспомнили этого храброго, задорного пионера, которого знал чуть ли не весь рабочий Гамбург.

— Ну, что же дальше, Роберт?—заторопили мы.

— Едва Карл большой,—я уж его буду так называть,—продолжал Роберт,—очутился у своего дома, как шпик побежал в охранку, чтобы выслать наряд для ареста. Карл попал к себе в дом не совсем обычным путем: не желая шуметь звонком, от которого мог бы проснуться живущий в том же коридоре домовладелец Пумпель, он влез через окно. Его появлению страшно обрадовались мать и младший Карл, задремавший над склеиванием почти написанной стенгазеты.

Мать чуть не разоблачила геройского плана маленького Карла.

СТИХИ.

ПУШКИН.

Нине Рождественской.

Движется город, жесток и неистов.
Газетчики, женщины, телеграфисты,
Под кошачьим фордом шипит мостовая,
На рыжем бульваре промокшие вязы
Мелькают, кивают... Встает Тимирязев.
Оплеснуты зеленью, воют трамваи.
Над городом виснет огней кисея,
От выпавшей влаги дымится земля,
Ветер ослизлые лица полощет,
И с крыши театра в горячем разгоне
Встают на дыбы триумфальные кони,
И сорвана с места огромная площадь.
Тяжелые глыбы ночных этажей,
Ларьки Моссельпрома, витрины ТЭЖЭ,
Прожекторы жгут фиолетовым светом,
И в страстном порыве сливаются вместе
Зеркальное, серое зданье «Известий»
И шоколадный дом Моссовета.
Качаются тени под звоны и стук,
В глаза натекают, двоятся, троятся,
И Пушкин не знает, чему удивляться,—
Столетняя бронза роняет испуг.
Он ветхую шляпу сжимает рукой.
Движется, движется город чужой.
Но грохот мешает ему осмотреться,
Но люди расплывчаты, как на экране.
Мелькают: японец в белесом тумане,
Кореец, монгол, индус из Бомбея,
И в каждом—горячее, сильное сердце,—
Сердце того, кто остыл в мавзолее.
Пушкин сжимает, надменно суров,
Свои африканские, крупные губы
И видит: плывут силуэты домов,
Музеи, театры, автобусы, клубы,
В перспективе ломаясь неверной.
—Что это? Как это? «Штаб Коминтерна»?..
—Кто это молвил? Странное слово!..
ВЦИК?.. Совнарком?.. Повторяется снова
«Штаб Коминтерна»... И желтый китаец
Мимо проходит. Ему улыбаясь
И следом курчавый взволнованный негр
Блещет зубами, как выпавший снег...
Прозрачные, мокрые руки рассвета
Хватают скалистые джунгли Тверской,
И ветер щекочет морозной крупой
Прозеленевшие ноздри поэта,
А Пушкин кричит, в тишине обессилев:
—О, как непонятна сегодня Россия!

Андрей Алдан.

О ЛЕНИНГРАДЕ.

I

Закат. Фонтанка. Пять часов.
Темнеет камень. Над водою
Плывет и в камни бьет волною
Поток звонков и голосов.

Пылают окна. Как пружина,
Гудит рено, готовый в бег,
А небо голубою льдиной
Скользит по крышам на проспект.

Дымком клубящимся одетый,
Ушел баркас, рассыпав гром,
Туда, где кони силуэтом
Встают на фоне золотом.

II

Стеклянная хрупкость, осенняя нежность,
Столетние вязы печальны и строги,
И падают листья опаловым снегом
На воды канала, на гравий дороги.
На остров приходят мечтать и томиться

Об акциях, шинах и аксельбантах
Измятые лица, серые лица,
Прожившие век свой
И бриллианты.

А рядом,—от этих совсем недалеко,—
Рабфаковки смех звенит над каналом.
И падают листья,
И одиноко
Вздрагивают плечи
Генерала...

III

Поднят вашей волей и трудом,
Над Невой вырос новый дом.
Щупая холодный и седой гранит,
Черная, как деготь, движется вода
И качает баржу у спокойных плит,
Где упала желтая звезда.
Шелест шин по камням
И трамвайный звон...
Изредка из теми
Приплывут гудки...
Огненным сиянием окон
Новый дом ваш светит у реки.
Молотки ударили в висок.
Домики из барочных досок.
Будет! Век их кончен, и ломать пора.
Старое увозят со двора...
Выступили гулко на торцы
Светлые рабочие дворцы.

Ив. Костин.

РЫБАКИ.

Они вышли сушить невода,
Разминая походку, туда,
Где прибрежный хрустел песок,
Где качались у скал челны,
Где, водой набухая, лег
Ущербленный валун луны.

Они вышли под зычный свист,
Разрывая на клочья сонь.
Они вышли, а гармонист,
Как рыбачку, обнял гармонь,
И, качнув вод зеленых вязь,
Песня дрогнула
И полилась!

На далекий пустынный плес
Ветер дерзкую песню занес,
А она, огибая валы,
Словно чайка, стройна и легка,
Ударялась о камень волны
И летела звенеть в облака!

А она, как волна вольна,
Говорила, порыва полна,
Как цветной розовел песок,
Как резвились у скал челны,
Как в воде до рассвета мок
Ущербленный валун луны!

Михаил Рудин.

Алупка. 1929 г.

Радость их, однако, продолжалась недолго. Громкий стук в дверь и голос: «Именем закона отоприте», заставили их насторожиться.

Особенно испугалась мать, которой за последнее время не удавалось видеть большого Карла.

— Карл, спасайся, прячься в ледник,—я все устрою! Мать, отворяй двери!—отдавал приказания, как большой, маленький Карл, когда в дверь постучали во второй раз.

Мать отодвинула запор, и в комнату с шумом ввалились пьяный офицер и шесть охранников. Запахом винного перегара обдало всю комнату.

— Здесь ли проживает Карл Ротер?—спросил, едва держась на ногах, размахивая взведенным револьвером, пьяный офицер.

— Здесь,—отвечала побледневшая мать.

— Где он?—зарычал офицер.

— Я здесь,—ответил маленький Карл, успевший нахлобучить на себя куртку и шапку брата, что еще более увеличило их сходство.

Мать чуть-чуть не разоблачила своим волнением геройского плана маленького Карла, но сдержалась и подошла, чтобы обнять в последний раз ребенка.

— Нежности твои цум тейфель! *)—закричал офицер.

— Попалась птичка,—ехидно произнес он, посмотрев на Карла.—Взять его!—И охранники немедленно исполнили это приказание.

— Одежду твоего дорогого сыночка я пришлю тебе, старая крыса, на память,—сказал, выходя, офицер и грубо толкнул несчастную женщину.

Маленького Карла мы больше не видали. Его, вероятно, замучили на допросе охранники. Несчастная мать лишилась рассудка, а Карл большой сейчас в СССР и работает там в колонии политэмигрантов.

Роберт умолк, и стало совсем, совсем тихо. Никто не промолвил ни слова... Маленький Карл был у всех в мыслях.

Я уходил последним, и Роберт сказал мне:

— Ты знаешь, маленький Карл оставил записку.

— Записку?

— Ну, да... В ней он просит, чтобы не жалели его, потому что он умер, как самый большой из Карлов—Карл Либкнехт...

Фед. Вейтков.

*) К чорту!

ВТОРАЯ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ

(Из повести А. Медведева).

СНОВА веером двинулись вперед. Предрассветный холодок забирался под рубашки и рассыпал по спинам горох мурашек. Высокий ковыль стегал по ногам и обильно наполнял наши низкие, солдатские сапоги росой.

На востоке загорелась узкая предрассветная полоска. Мы подошли к крошечному хвойному леску, раскинувшемуся по левую сторону железнодорожной линии.

На минуту остановились, посовещались и совсем были готовы вступить в лесок, ощупывая каждый кустик, каждое деревцо. Вдруг до нашего слуха явственно донеслось:

— Фррр...

— Чорт возьми, в лесу белые!—мелькнуло в наших головах.

— Нашей кавалерии здесь нет, значит, это храпит их лошадь.

Матрос сделал соответствующий знак рукой, и мы, как подкошенные, повалились в траву.

— Лежите смирно, а я проползу, посмотрю,—сказал матрос ближайшему из нас и, словно кошка, юркнул в траву.

Мы лежали, не шевелясь, но держа винтовки наготове. Мы слышали, как частую дробь выбивали наши сердца, и в недалеких пшеничных полях им вторили перепела. Полоска на востоке становилась все ярче и ярче. Даль за железной дорогой подернулась легкой предрассветной дымкой.

Мы все преотлично сознавали, что положение наше может быть очень опасным. Чорт знает, кто притулился в этом проклятом лесу! Достаточно пулеметчику-белогвардейцу одного поворота руки, и вместо нас — одинадцати здоровых ребят — останутся безжизненные, издырявленные свинцом трупы. Да, кроме того, нас легко могли обойти сзади и перестрелять, как куропаток.

С такого рода мыслями мы лежали в высокой росистой траве и ждали нашего начальника.

Вдруг, чу!.. Распахнулись кусты, и из-за них во весь рост выступил и он. Мы от неожиданности подняли было дула винтовок.

— Полно, братва!—успокоил нас матрос.—Лес совершенно очищен. Кроме подстреленной лошади да железнодорожного будочника, в нем нет ни души.

Мы встали на ноги и, не смыкаясь, вошли в кусты.

Тревога наша уменьшилась. Уверенный, невызывающий сомнения тон нашего предводителя действовал, как ласка матери на засыпающего ребенка. Пройдя шагов двести-триста, мы вышли на небольшую зеленую поляну. Нам в глаза бросилась лежащая на земле черная масса и копошащаяся над ней мужская фигура.

Это была причина нашей тревоги—подстреленная лошадь и ухаживающий за нею будочник.

Мы подошли поближе, и перед нами открылось тяжелое зрелище. Передняя нога животного была перебита осколком шрапнели. Правда, сердобольный будочник устроил какое-то подобие повязки, но видно, что это помогало мало, и лошадь отчаянно страдала.

— Добить бы ее... Чего зря скотине мучиться,—предложил кто-то из нас, но будочник сурово запротестовал:

— Не-ет, земляки, не надыть! Все вчера белые хотели пристрелить, да я упросил—пожалели...

И уверенно добавил:

— Я ее отхожу.

После короткого разговора мы узнали, что будочник в самом деле был нам земляком. Происходил он из крестьян Веневского уезда, а на Украине живет уже двадцать шестой год.

- Хороший край, да только смуты тут много,—пожаловался он нам.

— Смута теперь везде,—успокоили мы старика и, распрощавшись с ним, двинулись вперед.

Минут через 15-20 мы вышли на противоположную опушку. Лес, действительно, оказался очищенным, о чем мы дали знать нашему полку и бронепоезду двумя сигнальными ракетами.

Немного спустя, со стороны железной дороги мы услышали грохот. То наш бронепоезд продвигался вперед, спеша занять новую, более удобную, позицию.

Наша задача была выполнена, и мы, вполне спокойные и удовлетворенные, возвратились в полк.

Отдохнуть после разведки нам не удалось. Полк, повидимому, готовился к продвиженсю вперед, и нам пришлось влиться в цепь.

Странные, необычайные вещи мы здесь увидели и услышали...

. . . . . .

Б-ский полк—один из боевых революционных полков. Он выдержал целый ряд атак противника, не раз ходил сам в наступление и всегда оставался победителем.

Теперь он был достаточно потрепан, и ему, по закону, нужно было бы итти на отдых, да вдруг подоспела вот эта новая операция.

Полк пополнили местными гарнизонными частями, сдавшимися в плен махновцами и интернациональным отрядом. Перетряхнули, переформировали и снова двинули в работу.

— Сорвался наш отдых, — с горечью и досадой говорили более слабые бойцы.

— Время военное—отдыхать некогда, — обрывали их более крепкие, более выносливые.

. . . . . .

— По-о-олк вперед! — раздалась команда командира полка. Команду подхватили батальоны, роты, взводы.

Все глуше и глуше раскатывалась она по изумрудным малороссийским полям.

Полк медленно, как длинная бесконечная змея, продвинулся вперед.

Еще, потом еще, и вдруг застопорился и ни с места.

— Что там такое? В чем дело? — раздались недоумевающие голоса с левого фланга.

— Махновцы и тыловики наступать не хотят, — ответили справа.

— А-ах, сукины дети!.. Так чорта ли с ними валандаться? Расстрелять их, и больше никаких!—в один голос вырвалось у Осимчука и Красненького—красноармейцев, лежавших со мною по соседству.

— Пострелять недолго, — сурово отозвался екатеринославский шахтер Каргач,—только толку-то мало. Ведь, в пополнение они даны-то... Расстреляешь, а вместо них кого поставишь?

И к этому резонно добавил:

— Уговорить нужно ребят... Распропагандировать.

Шум на правом фланге становился все сильнее и сильнее.

Наконец, командир полка передал командование своему помощнику (матросу, с которым мы ночью ходили в разведку), а сам отправился в белевший неподалеку полустанок. Между красноармейцами завязались отчаянные споры. Одни говорили, что нужно наступать, другие костили всех и вся и «в христа» и в «бога-мать», со злостью показывали сопревшие от пота рубахи, вымокшие в утренней росе шинели и твердо стояли на одном:

— Даешь жратвы,—тогда пойдем!

Но вот снова пришел командир полка и со смехом заявил:

-— Ось, братва! Сейчас наколотим торбы... Целу платформу з хлибом и з салом з Харкива к нам тягают.

Споры прекратились. «Братва» повеселела. Даже невозмутимые китайцы, до этого думавшие только о том, как бы побольше захватить патронов, и те оживились.

Они показывали желтые, как репа, зубы, смеялись раскосыми глазами и скрипуче говорили:

— Ах, товале!.. Шамо, шибко шамо...

Через полчаса с Лозовой прибыл бронепоезд «Гром» и притащил платформу с высокими пшеничными хлебами, с толстым малороссийским салом и длинными английскими папиросами «Сэр».

На великих работах

(Очерк М. Кольчугина).

Бобриковский поселок и шахты беспорядочно разбросаны на ровной полевой местности. Дома в поселке один походит на другой, как станционные пакгаузы, и различаются только по номерам.

Сегодня в поселке нельзя ориентироваться даже и бывалому на руднике человеку. Бобриковские поля, поселок и вышки шахт закутались в серые промокшие одеяла тумана. В трех шагах ничего не видно. Все тонет в сизом мраке.

Мой провожатый, высоченный, черноусый Матвей, недоуменно остановился за поселком. Он подумал, потер нос брезентовой рукавицей и сказал:

—Чорт знает что! Чуть не проперли на Ивано-озеро!

Я отстаю от Матвея, поминутно надевая спадающие галоши.

—В калошках-то трудненко,—сожалеет Матвей.—По этой грязище вот такие чоботы надо надевать!

Он с торжествующим видом подтягивает длинные порыжевшие голенища и ворчит:

—Это не сапоги, а сплошное увечье. Право слово: два пуда весят. И снова любезно:

—А без этого увечья пропадешь. В чунях невозможно: налипнет глина и срывает с ног чуни...

Потом Матвей спрашивает:

—Неужели такие гробы и заграничные углекопы таскают?

На это ответить было трудно. Иностранных шахтеров я видел только на картинах и не обращал внимания, во что они обуты. Я сказал:

—За границей, наверное, нет такой грязи, как у нас, поэтому там, возможно, и не носят таких сапог.

—Хотя верно,—сделал рукой жест Матвей,—капиталисты делают все, чтобы рабочие соки уходили на работу, в пользу хозяйского кармана. Ясно! Мы тоже будем мостить здесь камнем поле...

Бобриковские поля чрезмерно широки и изрезаны оврагами и полынными межами. Однако их будут мостить. С будущего года здесь начнется строительство химических и керамических заводов и грандиозной электрической станции в 300 тысяч киловатт, многим крупнее, чем Волховстрой.

—А ведь мы сможем перегнать, скажем, Америку!—снова заговорил Матвей.

—Да, трудов много надо положить.

—А без трудов не будет ничего. Я это знаю. Я не об этом.. Я о том, что как за границей рабочие бастуют, так у нас работают. Читаешь, к примеру, что в Германии бастует 20 000, а у нас в это же время 20.000 об'явили себя ударными...

С Матвеем не согласиться нельзя. Он читает газеты, учится в политшколе. Из книг он узнает многое. Знание дает ему возможность убедиться в силе и могуществе социалистического строительства.

—Как бы не знания,—говорит он,—разве бы достигли того, что из нашего дрянного углишки такие чудеса будем творить? Вы видели, какой наш уголь? Вы были под землей? Ну, что? Э, брат! Бобрики стоят делов! Подожди, мы любую Англию на лопатки положим...

На родине угля и алюминия.

Я иду под землей, по железнодорожному пути, забыв, что где-то существуют небо, солнце, поля, города.

Огромнейший пролет уходит вперед на несколько километров. Тускло поблескивают мокрые деревянные колонны. Под бревенчатым потолком искрятся редкие электрические лампы. Серебряными струнами бегут вперед рельсы.

Временами я останавливаюсь. Вслушиваюсь. Тишина, как в одинокой комнате, где только-что остановились часы.

Потные электрические лампочки кажутся высоко поднятыми огнями семафоров. Думается, что вот-вот вылетит издалека скорый поезд и пронесется по галлерее, сотрясая черные подземные своды.

Галлерея то и дело пересекается другими галлереями. Здесь легко можно заблудиться, как может заблудиться неграмотный в незнакомом городе. Но мне хорошо известны подземные законы. Даже в неизвестной шахте можно суметь найти любой забой, —следует лишь предварительно познакомиться с планом подземных ходов.

Подземные ходы похожи на ночные городские улицы и переулки с фонарями на перекрестках. Штреки в шахтах так же, как и пересекающиеся улицы, образуют из себя клетки—кварталы.

И вот в этих мрачных кварталах стукнули, пошли подземные часы. Впереди взвизгнуло, заскрипело, покатилось на железных роликах. Было понятно, что на земле только что прогудел гудок; может быть отголоски его стоят еще в полевых туманах.

В спрятавшуюся под землей машину включили ток. Машина - динамо сдернула стальной канат, опутавший черные галлереи. Канат потянул вереницы вагонов: к стволу с углем, от ствола порожние.

Не быстро, словно ощупью, идут железные ящики, напоминающие безголовых чудовищ.

На одном из перекрестков разговорились с шахтером, одетым во все брезентовое, зачерненное углем.

—Вы ходите поосторожней!—предупредил меня шахтер.—Смотрите, как бы череп не сняло зубчаткой (железный зубчатый круг, по которому скользит стальной канат).

—Какие о вас здесь улучшения имеются в сравнении с прошлыми годами?—спросил я шахтера.

Он направил по нужному пути подошедший вагон, зорко посмотрел в глубь хода и сказал:

—Будут улучшения. Вот эта дурника,—он ткнул рукавицей в синюю глинистую стену,—и то в дело пойдет.

Из синей глины будут вырабатывать алюминий, для чего здесь намечена постройка специального завода.

Шахтер закурил, предложил мне. Задал вопрос о том, когда будет закончен газопровод Бобрики-Тула-Москва.

—К концу пятилетки. Проект уже давно разработан; осталось гнать и гнать работу.

В Ясной Поляне построена и открыта больница и санаторий для костно-туберкулезных больных.

На снимке: Главный корпус больницы.

Шахтера зовут Андреем. Он из соседней деревушки. Рядом с его усадьбой пройдет газопроводная труба, по которой потечет в Москву светильный газ.

—Распаять землю на протяжении трехсот километров — не шутка,— сказал мой собеседник, приготавливаясь к встрече идущего к нему вагона.

—Задумаешься над тем, какой наша черная земля свет даст, и ужаснешься,—добавил Андрей, когда прошел вагон.

Даже старые шахтеры удивляются перемене под землей. Что же говорить о человеке, не бывавшем под землей? На родине угля и алюминия будет кипучая работа машин, клекот пневматических отбойных молотков, долбящих угольные недра, вместо ручных тупоносых обушков.

И вот, когда идешь по полю к рождающимся американизированным шахтам, видишь, как победно наступают электричество, сталь, железо...

Угольная весна.

Шахту № 12 только-что начали проходить (копать), а вокруг нее растет уже город. Десятки зданий поднимают к серому небу желтые струганые стропила. Один из бараков уже отделан. В бараке кипит куб. Разговаривают девушки-горнячки:

—Ты, Дашка, почему в школе вчера не была?

—Прогуляла.

—Нет, правда?

—Тебе говорят.

—А вчера интересное было. Знаешь, насчет того, из-за чего буржуи воевать хотят...

Вбежал заведующий шахтой тов. Жарков, окинул кругом глазами, точно считая белые колонны.

—По-весеннему расположились,—шутливо бросил он девчатам.—Ну, ну!

Ему было нужно заглянуть, не дают ли потолки сырости, потому что барак только-что затеплен землей.

—Суда бы журнальчиков выписать!—попросили.—До смены еще далеко, а делать нечего.

На Бобриковских рудниках до 3.000 рабочих Очень многие из них неграмотные. Об этом говорят все шахтеры. Каждый знает, что надо изжить это, каждый обещается выучиться за время пятилетки. Беспартийный шахтер тов. Пименов так выразил свое пожелание по этому поводу на одной из конференций:

—Догнать нам и перегнать надо тех, кто выучился при царском режиме. Учился тогда рабочий? Нет. Обязан он перегнать по учебе чиновников? Обязан. Почему? Да потому, что без грамоты не будет у нас заводов, социализма!..

За окнами барака плачется опавший яблоневый сад. Среди него растут рабочие общежития. Сад сносится.

—Ты зачем рано цветешь,
осыпаешься?..

—поет пожилой рыжебородый плотник, сидя верхом на бревне с топором в руках.

Кроны яблонь развесились, на сучьях бьются высохшие необлетевшие листья.

Однако, сада, кроме рыжебородого плотника, никто не жалеет. Напротив, над рыжебородым посмеиваются:

—Ты — мелкобуржуазная «стихия». Собственник. Теперь тут будет наш город, наша жизнь.

Рядом с садом гудит машина. Она приютилась под свежей тесовой крышей. Чугунная труба харкает в туман горячими клубами пара.

Поодаль стоит другое помещение. Там установлена другая машина. Огромнейший маховик пока недвижим.

Пройдет три-четыре месяца, и его охватит широченный ремень. Маховик закружится, задрожат стены, и электрический ток потянет мощные бадьи с глиной, а затем и с углем из новой шахты.

Сейчас шахта № 12 пройдена на 10 м. Породы пока выбрасываются вручную, перекидкой с полка на полок: выше, выше на поверхность земли.

К апрелю здесь достанут угольный пласт; шахта будет давать 40.000 вагонов угля в год.

Сто человек проходит сейчас эту шахту, ствол которой напоминает огромнейший чан, окованный рельсовыми обручами.

Я сказал 40 000 вагонов. Пожалуй, не так. Вагоны здесь будут не нужны к концу пятилетки. Уголь, как уже было сказано, будет перерабатываться в светильный газ, химические продукты, ввозившиеся раньше в СССР из-за границы.

И становится понятным, что года через три-четыре Бобрики, действительно, сумеют положить на лопатки рудничные предприятия Англии, как говорил шахтер Матвей.

* * *

Над бобриковскими полями виснут клочья тумана.

Не видно ни зги. Где-то во мраке откашливаются горячим паром чугунные трубы, ревут гудки.

На шахтах идет напряженная работа.

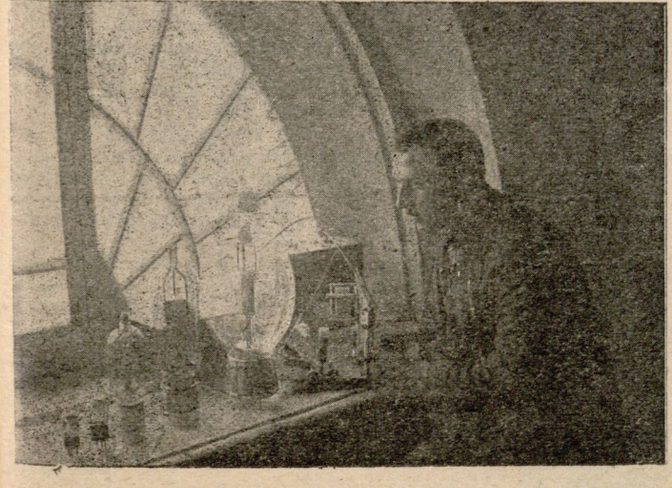
На поля наступает электричество.

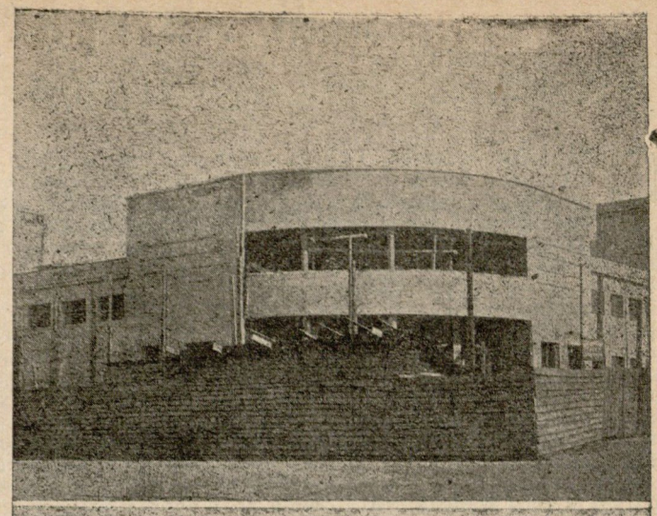
Мощную электростанцию уже чувствуют бобриковские поля, люди. Станция скоро бросит снопы электрического света, и в поле вырастут заводы, засверкают огнями как гигантские витрины.

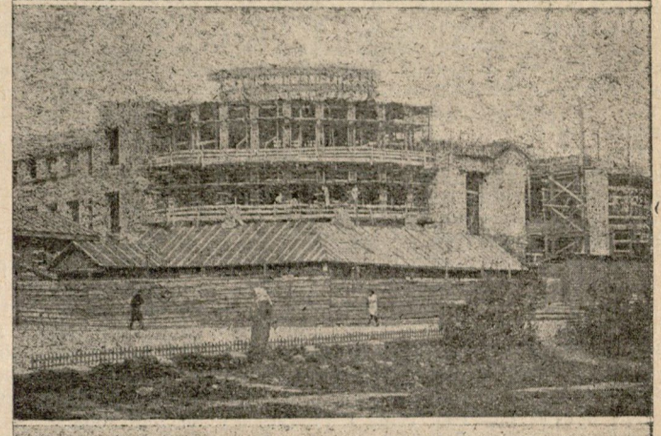
Бобрик-Донской,
9 декабря 1929 г.

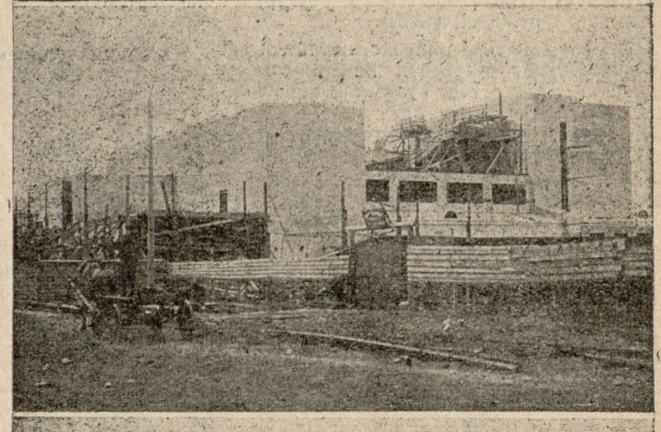
М. Кольчугин.

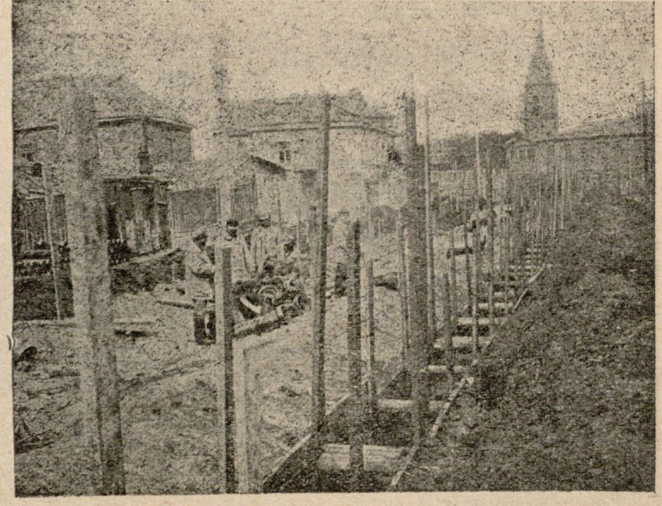

НОВАЯ ТУЛА. На снимках: 1) На земляных работах (фото-этюд, силуэты Розенберга). 2) Радиостанция Оирпрофсовета, оборудована мощными усилителями, обслуживает 5000 рупоров (фото Мельникова). 3) Новый клуб в Чулкове. 4) На постройке фабрики-кухни. 5) На постройке клуба в Заречье. 6. Канализационные работы. (Фото В. СЭПП).

К литературной учебе!

(Задачи литкружков).

Основной задачей ТАПП'а стоит создание и укрепление литературно-творческих кружков при предприятиях крупной и мелкой промышленности. Тульская ТАПП должна встать в шеренгу боеспособных общественно-политических организаций, а для этого ей, прежде всего, необходимо повернуться «лицом к производству», обрасти рабочими литкружками и десятками новых членов из начинающих рабочих писателей. Приток новых членов с заводов и фабрик поможет навсегда покончить с атмосферой общественного и творческого застоя, в которой ТАПП до сих пор обретался.

И вторая, параллельная, задача ТАПП'а состоит в том, чтобы в центр своего внимания поставить напряженную и систематическую политико-воспитательную и творческую работу, создание в своих рядах подлинного пролетарского писателя-общественника, активного борца и организатора своего класса.

Текущий зимний учебный период должен быть использован для подготовки начинающего литературного молодняка и подготовки рабочего читателя, умеющего разбираться в литературе.

Всевозможные течения в литературе, которые нам дают произведения современных писателей, заставляют особенно чутко относиться к передовым, более развитым читателям - рабочим, «схватывающим» и «переваривающим» по-своему все прочитанное.

Это обстоятельство только усугубляет важность настоящей учебы.

Принцип занятий рабочих литературных кружков будет построен не только на изучении творчества старых и современных писателей, что даст возможность воспитать грамотного читателя-друга пролетарской литературы, но и на проработке литературного творчества самих кружковцев, на коллективной помощи их росту.

Поэтому наша программа занятий литературных кружков должна быть построена с расчетом посвящения половины времени учебы читке и разбору произведений кружковцев.

Охватить учебой рабкоров, библиотекарей и весь читательский актив—наша боевая задача, продиктованная сегодняшним днем. Прежде всего должна быть проработана дореволюционная русская дворянская и буржуазная литература. При проработке особое внимание должно быть уделено усвоению некоторых образцовых работ марксистской критики и литературоведения.

Цель изучения такой литературы отнюдь не историко-литературная. Наша задача—на конкретном художественном материале дать элементы диалектико-материалистического мировоззрения, познакомить с образцами художественного творчества и тем самым подчеркнуть всю трудность задачи идейной гегемонии, которая стоит перед пролетарской литературой, а также путем сопоставления разных художников, творивших в одну эпоху, дать представление о своеобразии творческих методов, о зависимости их от той или иной стадии или тенденции развития класса, т.-е. от отношения художника к действительности.

Далее необходимо познакомить кружковцев с историей зарождения пролетарской литературы в условиях капитализма, подчеркивая значение пролетлитературы, как средства классовой борьбы.

Затем, сопоставляя пролетарскую и попутническую литературу, изображающую один и тот же об'ект, следует еще больше подчеркнуть разницу отношения художников к действительности. Необходимо отношение художника к действительности, нашедшее свое выражение в произведении, освещать ленинской литературой, осмысливающей эпоху и позволяющей поднять художественное произведение, как оружие классовой борьбы.

Подходя к уяснению группировок современной литературы и к истории «напостовства», надо остановиться на политических задачах сегодняшнего дня социалистической революции и дать конкретную проверку правильности методов современной литературы в группировках.

ПЕРВЫЕ ШАГИ.

Имея, помимо ряда более или менее крупных предприятий с кадрами «потомственного» пролетариата, два металлургических гиганта, насчитывающих десятки тысяч рабочих, мы, казалось бы, имели большие возможности широко развернуть литературную учебу среди последних. Но до сих пор, если не считать только-что организованных двух литкружков: оружейников (при редакции «Коммунара») и патронников при клубе «Серп и Молот», рабочие литературной учебой охвачены не были. Правда, есть еще литкружки при педтехникуме и рабфаке, в которых есть основательная прослойка рабочих - учащихся, и недавно организован литкружок при ДКА.

В чем же дело? Почему до сих пор мы не использовали возможностей?

Причин, мешавших ТАПП'у провести эту работу, было много.

Во-первых, ТАПП работала замкнуто, не выходила в массы с докладами о литтворчестве, не популяризировала себя и свою работу в гуще рабочих масс.

Во-вторых, культкомиссии завкомов, вероятно, недоучитывая важности внедрения пролетлитературного движения среди рабочих предприятий, смотрели, да и сейчас смотрят на это, как на пустую затею.

Для примера достаточно отметить, как начинание ТАПП'а было встречено клубом «Кр. Оружейник». Дав обещание во всякое время предоставить помещение для занятий литкружка при бывшем Народном доме, несмотря на двухдневное об'явление в «Коммунаре» о предстоящем собрании кружковцев, собравшихся на занятия не пустили под предлогом неимения свободного помещения.

Не менее безразлично отнеслись к созданию кружка культподкомиссии мастерских оружзавода.

Многие кружковцы вовсе не видели разосланных по мастерским об'явлений об организации литкружка и, только прочтя в «Коммунаре об'явление, пришли на занятия.

Тот признак, что среди одиннадцати явившихся на организационное собрание кружковцев был только один член ВЛКСМ и ни одного коммуниста, свидетельствует о недооценке литературной учебы партийцами и партруководством в частности.

Нам сдается, что еще не искоренились старые взгляды «недорослей», считающих литучебу буржуазной затеей, ничего не дающей ни уму, ни сердцу.

Такому в корне ненормальному отношению к литературе надо положить конец. Очень хорошо будет, если партруководство и культорганы предприятий этот пробел заполнят и тем самым исправят свою ошибку.

Дело пролетаризации литературы — дело не малой важности. Об этом надо помнить и это надо учитывать.

А. Стрекопытов

На Мордвищенском судо-мостостроительном заводе (Нижегородский край) сделаны все части трамвайного моста для Тулы (через реку Упу).
На снимке сборка моста на территории завода.

Товарищи кружковцы!

Пишите в „Молот" о вашей работе.

Распространяйте „Молот".

Создавайте группы друзей „Молота".

Встреча.

(Рассказ Ан. Кремня).

Автор этого рассказа тов. Ан. Кремень является членом литкружка при Доме Красной армии.
„Встреча"— его первый рассказ.

Блистающие рельсы уходили в темень. Шпалы, обожженные искрами, облитые нефтью, вздрагивали, когда поезд, позванивая, проносился над ними.

Пассажиры в поезде спали. Спали, сладко потягиваясь, едущие в мягком купе; спали, поворачиваясь с бока на бок, люди в жестких вагонах.

Поезд мчался в ночь, в туман, и белые чудовища дыма оседали в кусты.

Матвей смотрел в окно, и казалось ему, что в быстроте поезда мелькает, проносится его жизнь. Стоны вагона, увлекаемого вперед, как-то по-особенному настраивали, и хотелось вспомнить свое прошлое.

Мысль металась компасной стрелкой... Румяные краски теплого детства освежают память.

Глухой уездный город Тихий. Яркое солнечное время. Ватага босоногих мчится к реке. Впереди он, веснущчатый, с выгоревшими волосами, ведет свою грязную команду...

Кружится водоворот воспоминаний, подхватывает и несет дальше, через дни, недели, годы. Вспомнилось, как мать отвела в церковно-приходскую школу. Бурное увлечение книгами. Хотелось быть ученым, Ломоносовым. Но жизнь, тяжелая, жесткая жизнь, выбрасывает из школы на улицу, и вот отчаянный фальцет надрывающе предлагает:

— Семечки жареные... Пять копеек два стакана... Навались, у кого медяшки завелись.

Тихо расплываются краски румяного детства.

На верхней наре вагона взвизгнул грудной ребенок. Желтолицая женщина, ласково теребя тело младенца, напрасно старалась его унять.

Матвей взглянул наверх. Мысли расстроились, разорвались и побежали в разные стороны. Он достал газету и принялся за чтение. Газета прыгала. Буквы ехидно перемигивались. Не читалось. Матвей отвернулся и взглянул на соседа. Старичок, севший на последней остановке, боязливо осматриваясь кругом, потихоньку сопел и ежеминутно доставал корзину с едой.

Матвей внимательно взглянул на соседа: шрам на носу старика снова разбудил воспоминания.

— Где я его видел? Где я встречал старика?... Этот шрам... Шрам...

На лбу собрались морщины. Матвей снова мучительно потянулся к прошлому, подозрительно выщупывая, ища ответа.

— Шрам? Где я видел этот шрам... шрам... нос с горбинкой?

Память прояснилась. Яростно колотилось сердце. Большой синеватый нос с продольным шрамом, хищный старик, поезд, пробегающий в ночи, женщина с ребенком, корзина, газета...

Прыгает вагон, похрапывают пассажиры, качаются вещи. Память ясна.

* * *

Девятнадцатый год. Белые подходили к городу. Красноармейский отряд отступал. Казачий эскадрон преградил ему дорогу. Люди в панике метнулись. Казацкие шашки рассекали головы, словно переспелые арбузы. Быстрый, срывающийся шопот военкома. Перепуганный Матвей ловит обрывки слов:

— Шустрый... бери эти бумаги... Тут все наиболее ценное... Постарайся спрятать. Убереги до прихода красных.

В ноги вдарила оленья рысь. Лесная опушка скрыла Матвея. Он весь дрожал. Лоб покрылся испариной. До ненависти стала противна красная рубаха, выдававшая его в кустах. Матвей скрылся в заросли можжевельника и только тогда понял, что всадник, догонявший его, не мог пробраться в кусты.

Ур-р-р-р!—в воздухе лопнул снаряд, словно оборвалась гигантская струна. Снаряд в брызги рассыпал старую ветрянку.

А ночью тихо, как робкий заяц, он пробрался огородами в черный яр, где и зарыл дела тихинского укомпарта.

* * *

Ломали замки с кооператива. Новые хозяева грабили и воровали. В городе выуживали коммунистов и на месте расстреливали.

Выплыли старые люди, но в новых костюмах. Учитель трудовой школы надел пахнувший нафталином мундир.

На шумном купеческом собрании качали вновь избранного голову — местного помещика фон-Ратенау-Подбельского, прибывшего в свою вотчину с добровольческой армией.

Матвей играл на улице в лапту со сверстниками, мелькая красной рубашкой.

Но вот кто-то грубо схватил за уши. Глаза испуганно заискрились.

— А, пащенок, попался!

В животном страхе залепетал:

— Я, дяденька... дяденька... ничего не знаю...

— Ладно... ладно... там разберемся,—и вахмистр поволок за собой худосочного Матвея.

* * *

Новый хозяин города, Ратенау, сидел в кабинете.

— Господин голова. Вот этот пащенок, когда красные удирали, со связкой бумаг в лес подался. Я за ним гнался, но поймать не мог по причине кустарника.

Красная рубашка выдала. По красной рубашке казацкий вахмистр опознал маленького беглеца.

— Наверное, сукин сын, важные бумаги унес.

Голова внимательно посмотрел на мальчика; шрам на его носу покрылся багровым налетом.

— Ви, молодый шоловик, какие бумаги шпрятали?

— Дяденька... ничего не знаю. Нигде я не был и бумаг не прятал.

Здоровую оплеуху снес молча.

— Так ви нишего не шкажите? Гм! Отведите его в каршер.

Произведенный обыск дома, под слезы старухи-матери, ничего не дал. И потекли часы за часами в сырой камере уездной тюрьмы. Вечером накормили селедкой, но воды не дали. Ночью сильная жажда разбудила. Соленая селедка жгла внутренности. Хотелось пить.

— Дяденька... дай водицы. Пить хоцца...

В ответ в волчок двери прогнусавили:

— Воды захотел? Попей мочи!

В обед пришел голова.

— Ну, молодый шоловик! Подумали!

— Дяденька, скажи, чтобы дали напиться. Горло жжет.

— А ви, молодый шоловик, скажите нам, куда бумаги шпрятали, и водички получите.

— Ей-бо, ничего я не прятал!

— Но, поглядите, поглядите! Какой молодой и какой упрямый! Нехорошо...

Голова в досаде повернулся и ушел.

Воспаленному мозгу всюду чудился плеск холодной воды. Иссохшим языком он лизал заплесневевшие, зеленые стены камеры.

— О, как хочется пить! Люди, добрые люди, дайте капельку водицы!

Но нет добрых людей, молчит тюрьма, черная и одинокая. Тишина. Только где-то далеко-далеко глухие шаги: часовой.

Сознание медленно приходило. Все было в тумане, но яснее и яснее обрисовываются знакомые лица. Вот около него тов. Зиновий. На жестком лице, сквозь рыжую поросль, катится теплая улыбка:

— Бедный!.. Бедный Шустрый! Как они тебя разделали!

— Пить хочу. Я давно не пил. Не давали... Я бумаги спрятал... Они... они в желтом яру, под березкой... зарыты...

* * *

Матвей очнулся... Вагон, накренившись, мчался вперед. Глухое поле плясало и двигалось. Все было на старом месте. Ребенок на верхней наре утих.

Напротив сидел старик, не переставая жевать и по-старчески хмыкать своим багровым носом.

Матвей обратился к старику:

— Куда едешь?

Старик боязливо посмотрел на Матвея и неохотно прошепелявил:

— В Мошкву.

— А помните ли вы, барон фон-Ратенау-Подбельский, город Тихий?

Старик сжался и ушел в себя.

— А помните ли вы меня, барон,—мальчика в красной рубашке, из города Тихого?

Старик молчал.

— Барон Ратенау, вы от меня не уйдете теперь!

Старик встал.

— Барон Ратенау, я разоблачу вас. Вам не место здесь, в этом вагоне.

Пассажиры проснулись. Старик рванулся к двери. Вагон качало, мотало, выли колеса, красные звезды пролетали в окнах.

Матвей кинулся за стариком. Дверь распахнулась. Старик бросился с подножек в темень и ветер.

Поезд остановили.

Барон Ратенау-Подбельский кончил самоубийством в диком испуге перед расплатой за прошлое.

На следующей остановке Матвей дал необходимые показания агенту ТОГПУ и с новым поездом поехал к месту своей работы.

НЕГОДНАЯ ЦЕЛЬ—НЕГОДНЫЕ СРЕДСТВА.

(„О творческих путях пролетарской литературы" — декларация „Кузницы").

ЗАВОЕВАНИЕ гегемонии пролетарской литературы происходит в труднейшей и сложнейшей обстановке. Правый уклон и примиренчество к нему (против чего должен быть сосредоточен основной огонь), капитулянтство, рецидивы троцкизма, «левые» загибы — со всем этим должна вестись беспощадная борьба, невзирая на лица. *Мужественную критику, разоблачение правого уклона на практике и в теоретических высказываниях нужно всячески приветствовать, как основное условие для завоевания гегемонии пролетарской литературы. И если бы „Кузница" действительно вскрыла,* что РАПП сползла с рельс пролетарской идеологии в литературе к меньшевизму, тогда она сделала бы первоочередной важности дело, которое оказало бы колоссальную помощь пролетлитературе в борьбе за гегемонию.

Декларация «Кузницы», опубликованная в № 31 «Литературной Газеты» («О творческих путях пролетарской литературы»), *центральным пунктом* имеет *обвинение РАПП'а в меньшевизме.* Собственно, общее впечатление от декларации такое, что она и написана *специально* для того, чтобы пред'явить РАПП'у это обвинение. Как оно формулируется?

> «Рапповцы — за хронический самоанализ. Рефлексы они превращают в фетиш. Их самоанализ становится в противоречие с динамикой действительности, с динамикой класса. Их «психологизм», это — не динамика внутренних противоречий, а пассивное самосозерцание, самоуглубление, саморазложение. Самоанализ же, в рапповском толковании, есть уже разложение личности: он раз'едает и уничтожает ее. Установка рапповцев на самоголодание, их рабское подражание дворянам-«искателям», мелодраматическим их терзаниям и «гаданиям на кофейной гуще» развинченных интеллигентов, ничего общего с классовой психологией пролетария не имеет. Эта установка индивидуалистическая, мещанская, декадентская. Это интеллигентское эпигонство самого низшего порядка; это пошлое реставраторство, чуждое диалектическому подходу к искусству пролетариата; это откровенный меньшевизм в искусстве. Такая установка непосредственным образом связывает их не только с «попутчеством», но самыми неразрывными узами с буржуазной литературой, несмотря на все их усилия орудовать марксистской фразеологией, чтобы замаскировать г р у б о - реакционную сущность своей творческой методологии».
>
> (Из декларации).

Итак, литература попутчиков, «это — литература мелкобуржуазной интеллигенции, в той или иной степени приявшей Октябрьскую революцию», а установка рапповцев — «откровенный меньшевизм в литературе». Рапповцам до попутчиков — и то далече; их установка связывает их «неразрывными узами с буржуазной литературой». А как же квалифицировать рапповскую продукцию? Этот вопрос благоразумно обходится. Но ведь с установкой на показ «живого человека» творческий актив РАПП'а работает, по крайней мере, два с лишним года. Как же отнестись к таким произведениям, как «Последний из Удеге» — Фадеева, «Фабрика Рабле» — Чумандрина, «Ячейка» — Горбатова и т. д.? Маневр совершенно не двусмысленный. Если рискованно сказать прямо, что рапповская художественная продукция — «меньшевизм в литературе», то пусть это подразумевается.

Однако, такое тяжелое обвинение должно быть *тщательно проверено,* тем более, что декларация дает только «вывод», не разбирая рапповской точки зрения на творческие пути пролетарской литературы. Это обвинение должно быть проверено не только путем выяснения точки зрения рапповцев, но и через разбор самой декларации. Попробуем коротенько это сделать.

Установка «Кузницы» исходит из того, что «выковывается железная воля социалистического человека — борца, созидателя, зодчего производственных и общественных отношений*). Но «социалистический человек-борец» «рождается» не только и не просто в напряженной борьбе с пережитками прошлого. Выковывается новый человек в процессе обостреннейшей классовой борьбы. *Вот этого основного момента, являющегося отправным для РАПП'а, когда он ставит проблему классового «живого человека», и нет в декларации «Кузницы».*

Если упущен такой «пустяковый» момент, так то, что социалистическое наступление пролетариата происходит на фоне обостреннейшей классовой борьбы, вполне понятно, что и при переходе к характеристике литературного фронта с точки зрения основных творческих путей декларация *упускает* другой, с ее точки зрения тоже, очевидно, «пустяковый» момент,— *соотношение классовых сил на литературном фронте.*

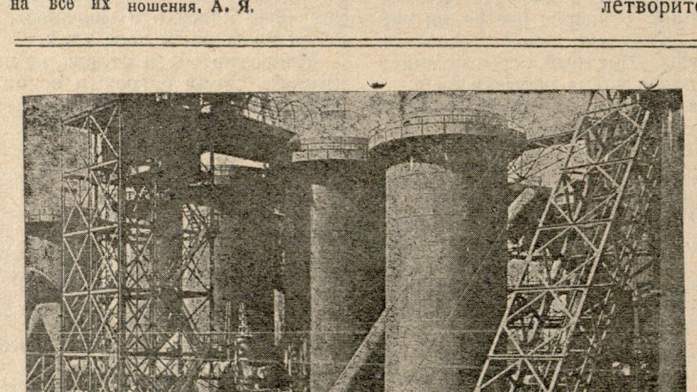
Поэтому, когда речь доходит до попутчиков, авторы декларации впадают в чрезвычайно благодушное настроение. «Попутничество» живет в собственных сумерках, но процесс диференциации в их рядах будет совершаться ряд лет. Отдельные же, наиболее приближающиеся к пролетариату, «попутчики» неизбежно, в процессе развития культурной революции, войдут в ряды пролетарской литературы». В переводе на более понятный язык это будет означать: развитие попутнической литературы идет спокойно-эволюционным путем; попутническая литература в сумерках; отдельные попутчики, которые полевее, все равно войдут в ряды пролетарской литературы. А раз так, то зачем еще «обострять отношения», зачем вести классовую борьбу в литературе и ставить задачей осуществление пролетарского влияния на развитие попутнической литературы? Как назвать такую точку зрения, если не явно оппортунистической?

Не говоря уже о том, что попутничество в декларации совершенно не диференцируется по существу, нет и признака попыток диференцированного отношения к таким (правда, относительно левым) группам попутчиков, как РЕФ и конструктивисты. *Декларация совершенно не имеет в виду новобуржуазной литературы, с одной стороны, и крестьянской — с другой.* Новобуржуазная литература является крайним плюсом притяжения для значительных слоев попутничества и в отдельных случаях даже для крестьянских писателей. При сползании вправо, творческие устремления писателя идут по линии отражения влияний новобуржуазной литературы, являющейся литературой кулака и непмана. Мы не можем дать правильного соотношения классовых сил в литературе и неизбежно допустим недооценку обострения классовой борьбы и правой опасности на литературном фронте, если не будем принимать во внимание наличия новобуржуазной литературы. Точно так же мы не дадим правильного соотношения классовых сил на литературном фронте, если не примем во внимание крестьянской литературы, как литературы класса-союзника.

Все эти замалчивания говорят далеко не в пользу авторов декларации. Творческие пути пролетарской литературы определяются задачами, стоящими перед ней, а они, в свою очередь, вытекают из общих задач и обстановки периода реконструкции, а также из обстановки на самом литературном фронте. С этой точки зрения, анализ момента и основных творческих путей в современной литературе, сделанный «Кузницей», никак нельзя признать удовлетворительным. *Обвиняя РАПП в меньшевизме, оппортунизме и прочих смертных грехах, авторы декларации сами впадают в правый оппортунизм, высказывая либеральные мысли о современной литературе, лишенные заметных признаков* классовой борьбы в литературе. Свою точку зрения правого оппортунизма на состояние литературного фронта авторы декларации, как мы увидим дальше, во второй части своего документа *сопровождают левой фразеологией, отборными ругательствами и формулировочками, пахнущими «блаженной памяти» махаевщиной и богдановщиной.* Во второй части декларация все свое внимание сосредоточивает на РАПП'е.

Мы уже говорили о том, что декларация не разбирает установок РАПП'а, а с плеча осыпает эти установки отборной руганью. Но этого мало. Авторы декларации пользуются *не тем, что написано в докумен-*

*) До сих пор мы думали, что общественные отношения суть производственные отношения, а по декларации «Кузницы» выходит, что одно дело производственные отношения, а другое дело — общественные отношения. А. Я.

Косогорский металлургический завод ведет подготовку к постройке третьей доменной печи. На снимке часть завода.

тах РАПП'а, а плодами своих измышлений. Например, РАПП обвиняется в том, что она, поставив проблему «живого человека», якобы забыла о классовом человеке. А ведь сколько раз твердила РАПП той же «Кузнице», что не может быть бесклассового «живого человека», что РАПП говорит о классовом «живом человеке», о создании художественного метода, являющегося методом диалектического материализма в применении к литературно-художественному творчеству. Или возьмем обвинение в рабском подражании дворянам-классикам, когда РАПП ставит задачей не рабское подражание, а преодоление литературной культуры классиков пролетписателями, вооруженными в этой работе методом диалектического материализма, материалистическим мировоззрением. В частности, всесоюзный с'езд пролетарских писателей, на котором основными докладчиками были представители РАПП'а, в специальном докладе тов. *Фадеева* и в прениях по нему разбирал как-раз идеалистические течения во взглядах на метод художественного творчества.

Ну, и еще кое-что высосали из пальца и приписали РАПП'у авторы декларации.

Такой метод выступления нечистоплотен. Самый документ, написанный на основе явного вымысла и грязной клеветы, не заслуживает совершенно ответа, если бы он не был написан представителями, казалось бы, братской организации пролетарских писателей, входящей в одно всесоюзное об'единение — ВОАПП. Будучи документом «Кузницы», он является не только грязно-клеветническим, но и раскольническим документом. Вместо того, чтобы вместе с РАПП'ом осуществлять задачу большевизации пролетарской литературы и через это более быстрыми темпами завоевывать гегемонию пролетлитературы, декларация основной огонь сосредоточивает против РАПП'а, как организации в целом, стрижет всю организацию под одну гребенку, ставя своей целью дискредитацию самой большой массовой организации пролетписателей. *Негодная цель потребовала и негодных средств.*

Однако, что же противопоставляется проблеме «живого человека»?

«Мы — за человека пролетария». «Мы — за динамический психологизм». Из этих и других высказываний дается трехчленная формула: динамический романтизм-реализм. Авторы декларации благоразумно заявляют, что этот замысловатый «стиль» пролетарской литературы еще не создан, но попытки к его созданию налицо. Вот и попробуй при такой оговорке разжевать, что же представляет из себя этот достопочтенный сугубо-пролетарский «стиль»! Между тем, это сделать давно пора бы. Ведь от трехчленной формулы нестерпимо пахнет пресловутым романтическим реализмом Георгия Якубовского, об'явленным им еще чуть ли не в 1924 году. Однако, при всей скромности авторов декларации, нельзя не усмотреть элементов *махаевщины* в формуле: «мы — за человека пролетария» и *эклектики* в формуле: динамический романтизм-реализм. И не *богдановщиной* ли пахнет, когда декларация мнимореволюционно заявляет: «Пролетарский реализм-романтизм, это — ленинский большевизм, но в процессе создания своего стиля искусства пролетариата динамически преодолевает реализм-романтизм».*) Подальше нас от такой революционности!

Пролетарское литературное движение растет, крепнет и завоевывает свою гегемонию, идя путями непрерывной и ожесточенной борьбы, встречая сильнейшее сопротивление, переживая мучительные искания творческих путей. РАПП не стоит и не стояла на той точке зрения, что проблеме «живого человека» должна быть присвоена какая-то монополия. РАПП неоднократно высказывала и в практической работе осуществляла резолюцию ЦК ВКП(б) 1925 г. о том, что в творческих исканиях не может быть никакой монополии, никаких преимуществ одной литературной группы перед другой, что не исключает особого внимания со стороны партии пролетарскому отряду литературы. На ряду с проблемой «живого человека», могут и должны быть неизбежно другие искания творческих путей пролетлитературы. Как известно, в самом РАПП'е есть писатели (Безыменский), имеющие другую творческую установку. Общая работа над созданием стиля пролетарской литературы приведет к выработке материалистического художественного метода, вооруженный которым, пролетарский писатель достигнет классического расцвета.

Клеветнические и раскольнические документы типа декларации «Кузницы» не помешают пролетарской литературе ускорить темпы завоевания своей гегемонии. *Путанная, проникнутая оппортунизмом и безграмотная декларация вызовет только взрыв возмущения против себя.*

Декларация принята только советом «Кузницы». Мы уверены, что рядовая масса «Кузницы» хорошенько подумает прежде, чем подписаться под этим оппортунистическим и раскольническим документом. Мы уверены, что «кузнецы» разберутся, в какой тупик ведут их руководители «Кузницы» вместе с «теоретиком» Евгением Чернявским, и резко заявят, что они против дезорганизаторства рядов пролетарской диктатуры. Этому порукой начавшийся уже сейчас отход наиболее здоровой части «Кузницы» в ряды РАПП'а.

Завоевание гегемонии не может происходить без развертывания жесточайшей критики и самокритики, необходимой и по отношению к пролетарской литературе, «как воздух, как вода». *Мы должны решительно бороться за развертывание самокритики,* против ее глушителей и врагов. Но в то же время *не менее решительно мы должны бороться и против искажения самокритики, ее извращения* (ярчайшим образчиком которого является пресловутая декларация!), так как извращение самокритики льет воду на мельницу классового врага и фактически тянет нас назад, отдаляя то время, когда пролетарская литература осуществит историческую задачу завоевания гегемонии.

А. Ярцев.

P. S. После того, как статья была написана, появилась новая декларация «Кузницы» (в № 34 «Литературной Газеты»)— «За единый фронт пролетарской литературы».

Ничего странного, конечно, нет в том, что после раскольнического документа «Кузница» выпускает документ с основным лозунгом: «За сплочение сил пролетарских писателей». Нужно только приглядеться потщательнее к новому документу: может быть, он даст новую точку зрения или в практической своей части даст ценные предложения по выдвинутому документом вопросу.

За что высказывается «Кузница»?

> «а) За немедленное создание единого фронта пролетарской литературы; б) за организацию единого подлинно-авторитетного писательского ядра по руководству (отнюдь не командованию) пролетарской литературой; в) за боевую среди пролетписательства творческую работу и за углубленное воспитание молодежи, имея в виду задачу создания литературы борющегося великого класса; г) за более тесное содружество и за совместную борьбу и работу с растущей подлинно-крестьянской, социалистической литературой, помогающей рабочему классу вести за собой многомиллионное бедняцко-середняцкое крестьянство».

Мы думали, что после всесоюзного с'езда пролетписателей, установившего организационно единство фронта пролетлитературы и, таким образом, наметившего целый этап в ее развитии, этот вопрос решен. Мы думали, что после с'езда стоит задача *не создания, а укрепления* единого фронта пролетарской литературы. Оказывается, одна из основных организаций, входящих в состав ВОАПП (Всесоюзное об'единение ассоциации пролетарских писателей),—«Кузница»—стоит на иной точке зрения и пробует ставить жирный крест на всех результатах работы этого с'езда. ВОАПП об'единяет шесть республиканских ассоциаций и седьмую «Кузницу»: из них только «Кузница» стоит на той точке зрения, что нет единого фронта пролетлитературы. Не далеко ли хватили, товарищи кузнецы?

Что же касается второго пункта, то он понятен из того места декларации, где говорится о борьбе «Кузницы» с «крайностями в организационных установках». Воронский, мол, держал ставку на «талант», а РАПП только на «массы» (слово «массы» почему-то берется в кавычки), «Кузница», мол, за «школу» (вот здесь мы возьмем слово «школу» в кавычки). Мы намеренно обойдем клеветнические выпады, указав лишь на неправильную принципиальную установку. Гегемония пролетарской литературы зарабатывается. Ее нельзя заработать путем равнения на «таланты». Но нельзя ее заработать и путем попыток создания литературной «школы». Ослабить пролетарскую литературу этим путем можно. И с другой стороны: на словах можно быть за массовую организацию, а линию проводить на создание «школы». Линия «Кузницы» такова.

Пролетарская литература заработает гегемонию, развивая себя, как подлинно массовое движение. Это не значит, что «талант» противопоставляется массе. Речь идет о том, чтобы т. н. «мастера»—основные кадры пролетлитературы—были органической частью массового движения, добросовестно выполняя роль этих кадров, а не отрывались от движения и не вырождались в литературную «школу», в своеобразное сектантство.

Таковы первые два пункта, являющиеся неудачным маневром, чтобы завуалировать действительное содержание практической работы «Кузницы». Таковы и последние два пункта. Документ опять направлен в основном против РАППА и слабо заостряет внимание на классовой борьбе в литературе и на задачах классовой борьбы.

Таким образом, вторая декларация знаменует упорство «Кузницы» в своих ошибках и по организационным принципам. Мы, поэтому, еще раз оговариваемся, что это, по всей вероятности, лишь мнение совета «Кузницы», подписавшего декларацию, и пресловутого Евгения Чернявского.

В заключение не мешало бы авторам обеих деклараций посоветовать прочесть, как следует, резолюцию пленума ЦС общества крестьянских писателей «Очередные задачи», чтобы хоть немножко поучиться классовой заостренности в постановке коренных вопросов литературного фронта *).

А. Ярцев.

*) Встает любопытный вопрос: если «пролетарский реализм-романтизм» является ленинским большевизмом, то зачем же пролетариату его преодолевать, тем более «динамически»? А. Я.

*) В декларации написано: «Признание пролетарской литературы не добывается декларациями,—оно зарабатывается!» Разве кто сомневается в том, что есть пролетлитература, или нужно признание «де-юре» и «де-факто»? А. Я.

НАШ ОТВЕТ.

(Резолюция тульской А. П. П., принятая на ее общем собрании 24-го ноября по поводу последней декларации „Кузницы“).

Заслушав и обсудив декларацию „Кузницы“ о творческих путях пролетарской литературы, собрание ТАПП'а выражает свое негодование по поводу этого путанного, глубоко клеветнического, раскольнического, оппортунистического документа, построенного исключительно на самом беспринципном и необоснованном ругательстве РАПП'а.

Собрание отмечает, что только беспринципные демагоги и люди, оторвавшиеся от своего класса и зараженные оппортунизмом, могут:

1. Проглядеть, что пролетариат СССР строит социализм в обстановке ожесточеннейшей классовой борьбы, которая не обходит предприятий и колхозов, а, наоборот, принимает в них наиболее острые формы (вредительство). Выкорчевывание корней капитализма определяет социалистическую сущность наступления пролетариата, являющегося в первую очередь усиленным и беспощадным наступлением на классового врага во всех областях.

2. Свести проблему попутничества к тому, что «попутничество» живет в собственных сумерках, но процесс диференциации в их рядах будет совершаться ряд лет, проглядев этим классовую борьбу в литературе, приписав попутничеству (и всей литературе) по существу спокойно-эволюционное развитие и смазав классовый фронт в литературе и классовые задачи, стоящие перед пролетписателями, т. к. без конкретного содержания лозунг о завоевании гегемонии остается или пустым звуком, или приводит к бесшабашному и совершенно безобидному для классового врага комчванству, как это случилось с авторами декларации.

3) Проглядеть нео-буржуазную литературу —этот крайний полюс воздействия на попутнические и крестьянские кадры в литературе — и крестьянскую литературу с ее своеобразным развитием литературы классасоюзника.

4. Подменить проблему классового «живого человека», его диалектического показа, преодоления литературной культуры классиков и т. д. измышлением авторов декларации о «статическом самоанализе», «рабском подражании классикам» и т. д, противопоставив этому лозунг «человека-пролетария» и «динамический реализм-романтизм», что содержит в себе и позволяет добрососедски ужиться электизму и махаевщине. Совершенно замолчать о задачах большевистского РАПП'а.

5. В то время, как в литературе классовая борьба принимает все более обостренный характер, когда обострение классовой борьбы происходит во всех областях и особенно в литературе и основным требованием является идейное и организационное единство рядов пролетлитературы, выступить с беспринципной, вызванной узкокружковыми интересами, травлей организации, которая об'единяет наибольшие кадры пролетарских писателей.

Собрание считает, что декларация является документом оппортунистическим, эклектическим продуктом узкой кружковщины и отражением самых нездоровых традиций «Кузницы»: махаевщины, богдановщины и т. д. В то же время собрание подчеркивает, что декларация не может быть единодушным мнением всей «Кузницы», и поставленный последним пленумом РАПП'а в упор вопрос: к нам или против нас?—находит сейчас и в дальнейшем найдет еще более положительный отклик со стороны «кузнецов», вопреки окончательно зарвавшимся верхам «Кузницы».

Пролетарская литература решительно встала на путь своей большевизации, на путь боевого выполнения стоящих перед ней классовых задач, и декларация, являющаяся жалким демагогическим документом, не расстроит рядов пролетлитературы, а, наоборот, приведет к их большему сплочению, к усилению идеологического наступления пролетариата против классового врага, против уклонов от большевизма и, в особенности, против правого уклона и примиренчества к нему.

ЗАДАЧИ КРЕСТЬЯНСКОГО ПИСАТЕЛЯ.

(Резолюция, принятая пленумом ЦС Всероссийского общества крестьянских писателей).

1. Обострение борьбы на идеологическом фронте в переживаемый нами период реконструкции народного хозяйства на социалистических началах является непосредственным отражением классовой борьбы, происходящей в стране. С одной стороны мы видим успешное продвижение под руководством рабочего класса деревенской бедноты и середнячества к социализму, и с другой—бешеное сопротивление городского нэпмана и деревенского кулака этому продвижению.

Индустриализация страны создает материально-техническую базу для коренного переустройства сельского хозяйства на социалистических основах. Бурный рост совхозов и колхозов, об'единяющий теперь не только отдельные крестьянские хозяйства и деревни, но уже целые районы и округа на основе крупной техники (тракторы, комбайны и пр.), произвел перелом в отношении широких крестьянских масс к социалистическому способу хозяйствования, что выразилось в массовой тяге середняка в колхозы.

Усилилось руководство промышленного пролетариата делом социалистического преобразования деревни (социалистическое соревнование, посылка рабочих бригад в деревню, массовая переброска из промышленных центров квалифицированных рабочих, техников, инженеров, агрономов и т. д.).

Растут кадры сельско-хозяйственного пролетариата, пополняемые из бедноты и батрачества (рабочие совхозов), которые вместе с промышленными рабочими являются основной движущей силой хозяйственной и культурной революции в деревне.

Коренным образом меняется все лицо современной деревни.

Все это значительно облегчает борьбу за окончательное преодоление капиталистических элементов, пережитков капиталистического порядка в хозяйственно-общественном и бытовом строе деревни и создает необычайно благоприятные условия для социалистического строительства, для уничтожения противоположности между городом и деревней, для коренной переделки всего индивидуалистического уклада жизни и психики крестьянских масс.

2. В этот сложный период социалистической реконструкции сельского хозяйства и обостряющейся классовой борьбы в деревне повышается и значение, а вместе с этим и ответственность крестьянского писателя.

Крестьянский писатель должен осознать весь процесс социалистической реконструкции деревни, понять его движущие силы, изучить все сложные экономические и политические условия, всю конкретную обстановку, в которой неизбежно развертывается ожесточенная классовая борьба. Единственно надежным методом для этого является метод диалектического материализма, которым должен овладеть крестьянский писатель.

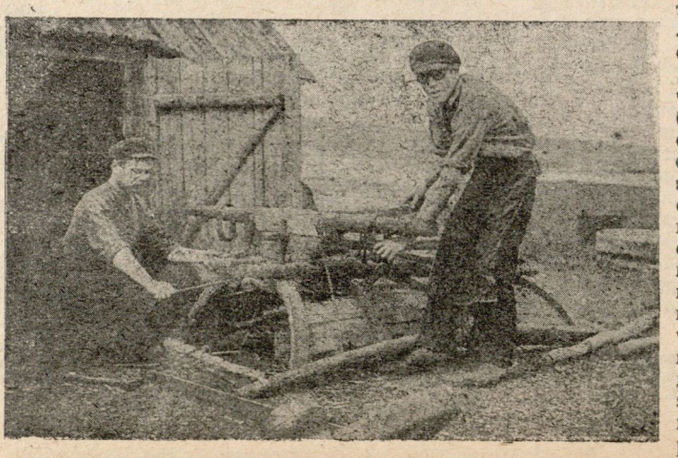
3. Преобразующаяся на коллективных основах деревня с ее меняющимся хозяйственным и культурным лицом, сложной классовой борьбой,—вот что должно быть в центре внимания крестьянского писателя. В свете диалектического материализма должен показать крестьянский писатель происходящую борьбу в деревне старого с новым, путем органического развертывания и всестороннего показа того, что есть, что было и что может быть.

Новая тематика определяет и новые жанры. На ряду с уже существующими жанрами необходимо развертывание жанра социального, индустриально-производственного романа, новеллы, поэмы и т. д.

Углубленный синтетический показ нашей современности, создание новых литературных типов и постановка новых проблем должны быть очередной задачей крестьянской художественной литературы.

4. Пленум решительно отвергает своеобразную теорию „социального детерминизма“ (Полонский), социальной обреченности крестьянского писателя. В основе этой „теории“ лежит вульгарно-материалистическое понимание зависимости сознания бытия; эта „теория“ отрывает искусство, как особую идеологическую форму, от социально-классовой идеологии вообще; эта „теория“ противопоставляет классовые интересы классовой психологии, миропонимание—мироощущению, логическое мышление — образному, сознательное—подсознательному и при этом устанавливает примут, главенствование иррациональных, чувственных элементов творчества над рациональными. Эта реакционная „теория“ глубоко враждебна всему духу нашей эпохи, всей коренной ломке экономики, быта, психики деревни. Она представляет крестьянского писателя рабом чувств, настроений, верований взрастившей его социальной среды,

НА ВЕЛИКОЙ СМЫЧКЕ.

Рабочие исправляют с.-х. инвентарь бедняцких хозяйств.

фатально обреченным в своем творчестве лишь на пассивные, бессознательные перепевы характерных для этой среды социально-психологических мотивов—даже в том случае, если этот писатель идеологически перешел на точку зрения пролетариата. Она тащит крестьянского писателя назад, культивирует в нем пассивность, стихийность, мелкобуржуазную анархичность, убивает в нем волю к преодолению в себе старых пережитков. Предостерегая против этой „теории", пленум зовет крестьянских писателей к сознательному овладению, к критической переоценке вынесенного ими из крестьянской среды творческого материала, к революционной переработке этого материала и своей собственной идеологии, психики в соответствии с требованиями начавшегося коренного социалистического переустройства всей нашей жизни.

5. Подводя итоги своей работы, пленум констатирует значительный рост как в количественном, так и в качественном отношениях крестьянской художественной литературы, общее повышение ее культурно-политического уровня. Как на одно из положительных явлений следует указать, что ряды общества растут не только за счет ранее выявившихся и только теперь вступающих в нашу организацию писателей, но, главным образом, за счет крестьянского писательского молодняка, растущего в обществе и вместе с обществом.

6. На ряду с этим пленум отмечает некоторое отставание крестьянской художественной литературы от жизни, идеологические срывы и не критическое копирование некоторыми писателями старых литературных образцов. Поэтому пленум считает своей обязанностью обратить внимание всех крестьянских писателей на необходимость систематической работы над повышением своего культурно-политического развития, выработки новых приемов художественного творчества, тщательной проработки своего словаря, создания новых литературно-художественных форм, органически вытекающих из задач нашей великой эпохи. Новому содержанию должна соответствовать и новая форма.

Пленум поручает секретариату и критической секции разработать вопрос о стиле и приемах творчества, практикуемых в современной крестьянской художественной литературе, и представить доклад к очередному пленуму ЦС ВОКП.

7. Пленум также отмечает, что художественное и общественное значение крестьянской литературы еще недостаточно учтено советской критикой. На ряду с этим у отдельных критиков до сих пор существует неправильный подход к крестьянской литературе, выражающийся в том, что эти критики зачисляют кулацких писателей в ряды крестьянских. Пленум подчеркивает, что общество резко и неоднократно отмежевывалось от кулацких писателей, и обращает внимание всей советской критики на необходимость более полного и систематического освещения в печати роли и значения крестьянской художественной литературы, **как литературы, отражающей интересы основных крестьянских масс на путях к социализму,** в противовес литературе кулацкой, резко враждебной по своей классовой природе социалистическому строительству.

8. Придавая огромное значение делу сближения различных национальных литератур Советского Союза, с точки зрения воспитания широких крестьянских масс в духе интернационализма, пленум поручает секретариату принять активное участие в общих собраниях, конференциях и с'ездах национальных крестьянских литературных организаций, а также возможно шире привлекать их представителей на пленумы, конференции и с'езды ВОКП. При этом рекомендуется возможно чаще и шире ставить доклады о национальных литературах на различных заседаниях как центральных, так и местных организаций ВОКП; уделять больше внимания национальным литературам на страницах журнала „Земля Советская".

9. Реконструктивный период социалистического строительства выдвинул перед писателями-попутчиками задачу большего приближения к идеологии рабочего класса и его коммунистической партии.

Всячески помогая попутчикам возможно быстрее усвоить классовый подход и перейти на пролетарскую точку зрения, общество совместно с организациями пролетарских писателей будет вести борьбу за идеологическую гегемонию пролетариата на литературном фронте.

С ПОКУПКОЙ. Фото-этюд Розенберга.

На пожарище

Застуженный ветер свистит по задворкам,
Студеные вьюги взметают снега...
Сгоревшего дома чернеют обломки
И сторож забытый—печная труба.

Стою. Над селом уже стелется вечер,
Над школой приветливо машет кумач...
А я вспоминаю горячие речи,
И зарево дома, и крики, и плачь.

Я помню: галдеж перевился с махоркой,
В нардоме народу... Хоть вешай топор...
Вопросы о хлебе свивались на сходке,—
Горланит средняк, что он беден и гол!

Часы за часами пробили тревогу,
Хрипит председатель, забравшись на стол:
«Хрестьяне! Калинычем выброшен лозунг...
Кулак же Панкратов проводит раздор».

Панкратов—широкая, тучная глыба—
Советскую власть кроет в бога и мать:
И машет петлями поповская грива:
«Бедных не трогать, а нас обдирать!!!»

И кончилась сходка. Часы отбивают
Ударами мерно предутренний сон...
С зарею пожар. От подкупленной твари
Сгорел с председателем заспанный дом.

Село Кремлево, 1928 г., август.

Вал. Иванов.

ТУЛЬСКИЙ ТРАМ.

Буржуазия, в числе основных приемов своей художественной агитации, всегда высоко ценила театральное искусство, ибо оно было полноценным средством пропаганды нужных буржуазии идей, мыслей и образов.

Наша отечественная буржуазия имела не мало великолепно поставленных театров и студий, в свое время прекрасно выполнявших «социальный заказ» своего класса. Октябрь, производя колоссальные сдвиги в области экономики и политики, выдвинул также в повестку дня вопрос о переоценке художественных ценностей, а перед старыми театрами остро поставил дилемму: «или с пролетариатом и на службе пролетарской революции, или против него».

Профессиональные театры, их руководители и состав вынуждены были так или иначе приспособиться к новым временам, новым идеям, новым людям. Эта работа продолжается и по сей день. Одни выполняют ее лучше, другие хуже по мере сил, способностей и доброй воли.

Явление это неизбежно и вполне закономерно, ибо от того, насколько успешно и быстро пойдет перестройка театров в этом направлении, зависит их жизнь или смерть. Так ставит вопрос история.

Однако, наличие у нас самого хорошего театра для рабочих (даже таких, как театр им. Мейерхольда, театр революции или МГГС) ни в какой степени не снимает вопроса о создании рабочего театра, созданного самими рабочими, построенного на основе самодеятельности и обладающего высоко развитой театральной культурой.

Рабочий самодеятельный театр, возникший в эпоху, когда только начинала ощупью развертываться культурная работа клубов, на первых порах оказался лишенным твердого пролетарского руководства. Огромное количество драмкружков попало под влияние случайных, чуждых, а порой и прямо враждебных нам людей. Отсюда и тяжелые болезни драмкружков, от которых многие из них не сумели вылечиться до сих пор.

Основная ошибка драмкружков состояла (и состит) в том, что они стремились подражать «большим» театрам, хватались за непосильные пьесы, очень часто устаревшие даже для профессионального театра и, как правило, вредные для кружковцев, не имеющих своего твердо установившегося отношения к старой, буржуазной культуре.

Соединение негодного руководства с неверной общей установкой не давало драмкружкам возможности стать в массе родоначальниками самодеятельного рабочего театра.

Однако, небольшая часть рабочих драмкружков сумела с начала работы пойти по иному, своему собственному, твердому пути. Эта линия подлинно самодеятельного рабочего театра, начавшая свое развитие уже несколько лет тому назад, сейчас вылилась в форму т. н. «трамизма», т.-е. движения, направленного к созданию театра рабочей молодежи.

ТРАМ не связывает себя подражанием ни одной из старых театральных школ, иными словами, он не кладет в основу своей работы какую-либо одну из театральных систем, но не отказывается в то же время от усвоения и переработки предыдущих театральных школ и стилей. ТРАМ ищет совершенно новые приемы, новую технику, вырабатывает новый стиль, соответствующий пролетарскому мировоззрению. Учась у старого театра, ТРАМ стремится понять и усвоить основные методы старых школ для того, чтобы преодолеть их и создать свои, новые, методы, созвучные эпохе. ТРАМ по праву носит название «художественного агитпропа комсомола». Оформившись первоначально, как театр политических манифестаций и лозунгов, ТРАМ с каждым годом работы расширяет и углубляет охват наиболее острых и злободневных проблем комсомола, переходя от зрелищного оформления политических лозунгов к углубленной разработке сложнейших вопросов быта, производства и формирования личности нового человека.

Наконец, ТРАМ—глубоко общественная воспитательная организация, ставящая своей целью не «интересный спектакль», а воспитательную работу вокруг него с членами своего коллектива. В основу этой работы ТРАМ кладет агитацию за марксистское, материалистическое мировоззрение. Каждый вопрос, затронутый в спектакле, не «показывается» зрителю, а вскрывается диалектически, во всем его многообразии.

Такова в основном художественная и общественно-политическая установка ТРАМ'а. Именно в ее правильности секрет того, что «трамизм» превратился в целое движение на театральном фронте, в движение передовое. Лучше всего о жизненности и популярности ТРАМ'а свидетельствует рост трамовских коллективов (Ленинград, Москва, Харьков и мн. др.), а также исключительный успех, которым сопровождается каждая новая постановка вожаков трамовского движения—ленинградского и московского ТРАМ'ов.

Уже сейчас совершенно ясно, что ТРАМ далеко перерос узко-театральные рамки и представляет собой широкое всесоюзное движение молодежи, которому предстоит большое будущее.

Конечно, и «трамизм» не свободен от многих ошибок (главнейшей из которых надо считать недооценку важности усвоения и переработки старой театр-культуры, некоторое «трамчванство»), но уже сейчас резко наметилось принципиальное несходство между профессиональными (даже самыми «левыми») театрами и ТРАМ'ом, дающее основание утверждать, что ТРАМ—совершенно новое революционное явление на театральном фронте, открывающее принципами своей работы перспективы, в глубине которых можно уже различить очертания революционного социалистического театра—театра будущего.

Тульский ТРАМ еще молод. Он родился в апреле 1928 года, а впервые отчитался перед рабочей молодежью только текущей осенью своей постановкой «Подводная лодка 12». Изрядный промежуток времени, который прошел между рождением и первым выступлением ТРАМ'а, был использован им для большой внутренней работы и (как это ни странно!) для завоевания себе права на существование.

Начало ТРАМ'у положил организованный в январе прошлого года «Театр Юного Зрителя» (ТЮЗ). Он был превращен, по милости УЗП, в театр коммерческий и, хотя и имел в своем составе рабочий молодняк, все же не мог стать творческим, самодеятельным театром. Впрочем, ТЮЗ'у в этом никто и не помог. После постановки трех пьес («Люли музыкант», «Черный Яр» и «Робин Гуд») ТЮЗ умер, а большинство его состава вошло в организованный губкомом ВЛКСМ Театр Рабочей Молодежи.

Первые месяцы существования ушли у ТРАМ'а на борьбу за классовую чистоту своих рядов. В ТРАМ вошло первоначально 85 человек, из которых добрая половина падала на «матерых» кружковцев, скучающих барышен и молодых людей, привыкших видеть в театре только «путь к славе» и видящих в сцене только возможность получить «сильные ощущения». Этот балласт принес с собой стремления к «выходам», театральщину худшего сорта, замкнутость и узость. Потребовалась решительная чистка, чтобы ТРАМ мог, наконец, вплотную заняться воспитательной работой в своем коллективе и напряженным исканием новых творческих путей и методов.

Сейчас тульский ТРАМ—подлинно рабочий коллектив. Из 38 трамовцев—32 рабочих, из которых большинство связано непосредственно с производством. В ТРАМ'е—28 партийцев и комсомольцев. Таким образом, рабочее и партийное влияние в трамовском коллективе обеспечено. Этому значительно помогает и то обстоятельство, что с трамовцами ведутся регулярные занятия по историческому материализму и текущей политике.

ТРАМ выполняет основное требование, пред'являемое к нему: быть школой, формирующей нового человека, создающей новые формы революционного рабочего театра.

Первая постановка ТРАМ'а — «Подводная лодка 12»—вполне оправдала его существование. Если принять во внимание не вполне удачный выбор пьесы (она только косвенно касается молодежи, растянута, мало художественна) и трудность ее постановки, то можно вполне определенно сказать, что ТРАМ дал живой, интересный и новый спектакль.

«Меценаты» склонны обрушиваться на эту постановку за слабость отдельных исполнителей и некоторых сцен. Но так критиковать спектакль — значит не понимать основной установки ТРАМ'а на коллектив. Массовые сцены сделаны крепко, продуманы до конца и после спектакля запоминаются не отдельные герои, а общая работа коллектива в целом, и это не так уж плохо. Правда, на спектакле лежит некоторый налет подражательности (хотя бы театру Мейерхольда), но это не страшно: чем продуманнее и внимательнее будет готовить ТРАМ свои спектакли, тем быстрее пропадет тяга к заимствованию и подражательности. В общем же, в «Подводной лодке 12» ТРАМ показал себя работоспособным и самодеятельным коллективом, ищущим новых путей и форм в области театрального искусства, об'явившим борьбу штампу и театральщине «взрослых» театров, которыми, грешит отчасти и тульский гортеатр.

Тем страннее и нелепее кажется то, что до сих пор ТРАМ работает в чрезвычайно тяжелых условиях, почти без поддержки тех, кому этим делом «ведать надлежит».

Окроно, которому следовало бы быть одним из руководителей и помощников ТРАМ'а, не ударил для него палец о палец. До сих пор на давным-давно утвержденную смету ТРАМ'а ему не открыт кредит. ТРАМ принужден жить у УЗП на положении «бедного родственника», ютиться в двух маленьких комнатах 3-й единой школы, за которые окроно берет по пятидесяти рублей в месяц.

Профсоюзы просто «не замечают» ТРАМ'а: они ничего не сделали для того, чтобы популяризировать его среди профсоюзных масс, не взяли ни одного целевого спектакля, не помогли ТРАМ'у проникнуть и укрепиться в рабочих клубах.

Даже комсомол—прямой «отец» и руководитель ТРАМ'а—сделал еще очень немногое для того, чтобы помочь ему крепко встать на ноги.

Творческая работа ТРАМ'а и его существование проходят в безобразных условиях. У ТРАМ'а нет своего освобожден-

ного руководителя, нет руководителя хореографической частью (хотя танцы и физкультура в трамовских постановках —один из важнейших элементов). Прижимистая политика УЗП не дает возможности даже пользоваться оркестром театра при выездах в рабочие клубы (дают одного пианиста!), и это в то время, когда большинство спектаклей ТРАМ'а должно итти обязательно под музыку!

Можно привести еще не один десяток мелких, но больно бьющих по работе неполадок, которые совсем не трудно устранить при желании соответствующих организаций и учреждений. Скверно, что этого желания пока не видно.

Не так давно кучка бюрократов форменным образом «угробила» молодой ТРАМ в крупнейшем пункте Донбасса—Горловке, пользовавшийся огромной популярностью у окружающих горняков. Угробили пустяками: сначала отказали в выдаваемых раньше трех десятках рублей, а потом предложили «очистить помещение». Случай в Горловке не должен повториться в Туле. Наш ТРАМ заслужил право на нормальное существование и дальнейшую творческую работу.

Комсомолу надо ближе подойти к руководству ТРАМ'ом, крепко связать его с культурно-массовой работой на производстве, об'единить вокруг ТРАМ'а затейников, плясунов, запевал, организаторов культработы с молодежью, юнсекции и их художественно-зрелищные кружки.

ТРАМ должен стать подлинным «художественным агитпропом» комсомола.

Надо пробить стену равнодушия и бюрократического отношения к единственному в Туле самодеятельному рабочему театру и помочь ТРАМ'у окрепнуть и благополучно миновать подводные камни, кое-кем уже предупредительно расставленные на его пути.

Тульский Театр Рабочей Молодежи должен жить!

Мих. М.

БИБЛИО

Книга — сама жизнь

Небольшую (в 160 страниц), но зато какую интересную книжку выпустил ГИЗ под незатейливым заглавием «Рабочий поход на бюрократов»! В составлении этой книжки приняли участие лучшие советские очеркисты: П. Горбатов, А. Небах, В. Ставский и А. Сурков. Очерки в отдельности не подписаны, так что мы здесь имеем опыт коллективного творчества.

О чем говорит эта книжка?

Содержание книги взято из самой жизни, из практики борьбы с бюрократизмом. Перед весной этого года в Москве РКИ-ЦКК произвела массовый рабочий «налет» на учреждения и организации столицы. Мы знаем из газет, какие результаты имел этот «налет». Но мы не знаем, какие художественные зарисовки дала сама жизнь в процессе «налета»; мы еще не знаем, какие увлекательные, зачастую даже детективные, нат-пинкертоновские испытания выносили рабочие-обследователи в своей работе (их и в милицию забирали, их и арестовывали и т. д.). Обо всем этом простым, живым, художественным языком рассказывают авторы книги. Есть даже повесть в 3-х частях о муках рабочего Попова, прошедшего 20 инстанций, вплоть до наркомздрава т. Семашко.

Книжка «Рабочий поход на бюрократов» уже пользуется большим спросом у рабочих (например, как я знаю, у патронников). Мне хочется обратить внимание на эту книжку нашей рабочей общественности.

Пусть каждой библиотекой-передвижкой и вообще каждой библиотекой эта книжка будет приобретена. Всем активистам-рабочим мы рекомендуем прочитать эту книжку.

Художественно-описательному материалу в книжке предпослана статья т. Яковлева. Много иллюстраций. Стоит сравнительно недорого (35 коп.).

Н. Добротвор.

[illegible]...
В церкви окна теперь
Заколоченные.

Есть в сборнике досадные места (в разделе „Бог и хозяйство").

Например:

А Иван одет и сыт,
Не боится голоду,
Потому науку чтит,
Верит книге смолоду.
У Петра—одна соха,
Да и та, друзья, плоха,
У Ивана—плуг, косилка
И в придачу молотилка.

Или в другом месте мы читаем:

Не пугал нас божий гнев—
Был бы шире наш посев!
Было б хлебушка довольно
Да скотины полон хлев!

Наконец, возьмем третий пример:

Стала жизнь милей и краше,
Как пошел разлад с попом.
Скоро будет с полной чашей
Прохоровский крепкий дом.

Кулацкий уклон здесь очевиден. Повидимому, недостаточно внимательно был продактирован сборник. Независимо от этих из'янов, все же сборник полезен и, главное, нужен. Стоит он всего 25 к.

Н. Д.

ТУЛ В рядах ТАПП'а

Буржуазия, в числе основных приемов своей художественной агитации, всегда высоко ценила театральное искусство, ибо оно было полноценным средством пропаганды нужных буржуазии идей, мыслей и образов.

Наша отечественная буржуазия имела не мало великолепно поставленных театров и студий, в свое время прекрасно выполнявших «социальный заказ» своего класса. Октябрь, производя колоссальные сдвиги в области экономики и политики, выдвинул также в повестку дня вопрос о переоценке художественных ценностей, а перед старыми театрами остро поставил дилемму: «или с пролетариатом и на службе пролетарской революции, или против него».

Профессиональные театры, их руководители и состав вынуждены были так или иначе приспособиться к новым временам, новым идеям, новым людям. Эта работа продолжается и по сей день. Одни выполняют ее лучше, другие хуже по мере сил, способностей и доброй воли.

Явление это неизбежно и вполне закономерно, ибо от того, насколько успешно и быстро пойдет перестройка театров в этом направлении, зависит их жизнь или смерть. Так ставит вопрос история.

Однако, наличие у нас самого хорошего театра для рабочих (даже таких, как театр им. Мейерхольда, театр революции или МХГС) ни в какой степени не снимает вопроса о создании рабочего театра, созданного самими рабочими, построенного на основе самодеятельности и обладающего высоко развитой театральной культурой.

Рабочий самодеятельный театр, возникший в эпоху, когда только начинала ощупью развертываться культурная работа клубов, на первых порах оказался лишенным твердого пролетарского руководства. Огромное количество драмкружков попало под влияние случайных, чуждых, а порой и прямо враждебных нам людей. Отсюда и тяжелые болезни драмкружков, от которых многие из них не сумели вылечиться до сих пор.

Основная ошибка драмкружков состояла (и состит) в том, что они стремились подражать «большим» театрам, хватались за непосильные пьесы, очень часто устаревшие даже для профессионального театра и, как правило, вредные для кружковцев, не имеющих своего твердо установившегося отношения к старой, буржуазной культуре.

[illegible] негодного руководства с не-

Новое руководство.

В виду неработоспособности распущено старое правление ТАПП. В новое правление вошли: Ярцев, Старцев, Сретенский, Стрекопытов и Сорокин (Скопин); кандидаты в правление: Володин и Сурмелев (Белев).

Редколлегия „Молота" составлена из Ярцева, Старцева и Володина; литконсультация из Добротвора, Мосолова и Старцева.

Среди скопинских пролетписателей.

В начале декабря в Скопине проходила чистка отделения ТАПП'а. Отделение насчитывает 8 членов ТАПП'а: т.т. Неклюдов, Сорокин, Шориков, Иванов, Кокарев, Былинников, Козлов, Ленский, Русина. Творческого баласта в отделении нет. Все оставлены в рядах ТАПП'а.

Отделение в Октябрьские дни проводило литвечера. На общих собраниях разбирают критически и прорабатывает пролетарскую литературу.

На Победенских рудниках организуется рабочий литературный кружок.

Развертывание литкружков.

В средине декабря организованы и приступили к работе литературные кружки при оружейном и патронном заводах.

Литкружки при рабфаке и педтехникуме сливаются в один кружок.

Красноармейский литкружок.

Кружок при ДКА работает около двух месяцев. Еженедельно проводятся собрания, посвященные творческой учебе. Заслушаны доклады о путях пролетарской литературы, творчестве и классовой борьбе в литературе. Кружок проводит конкурс на лучший рассказ. В виду пестрого состава кружка ТАПП постановил развернуть работу кружка по вовлечению в него большего числа красноармейцев и комсостава и шире связаться с красноармейской общественностью.

Выход в массы.

За месяц возобновления работы ТАПП провел литературный вечер в клубе строителей, литвечер в ДКА совместно с литкружком при ДКА. Два раза члены ТАПП'а выступали с читкой своих произведений по радио завкома оружзавода во время обеденного перерыва в мастерских.

На своих собраниях (в клубе „Красный Оружейник" и в ДРП) ТАПП разбирал вопросы по оргработе, пролеттворчеству, разбирал журнал „Молот" и устраивал читку произведений членов ТАПП'а.

Помощь писателей Дальневосточной Красной армии.

ТАПП вынес решение об отчислении 10 проц. с гонорара за литературно-художественные произведения членов ТАПП'а, печатаемые во всех изданиях, а также об отчислении 10 проц. гонорара со всего материала, помещаемого в журнале „Молот", в помощь ДВКА до ее расформирования.

Организовать в Туле платный литературно-художественный вечер, с привлечением к участию в нем московских пролетарских писателей.

Принять участие в организации в Туле красного эшелона подарков ДВКА.

Привлечь членов ТАПП'а к отражению в своем творчестве героической ДВКА (в рассказах, стихах, песнях и т. д.).

Кроме того ТАПП готовит сборник произведений членов ТАПП, посвященный Дальне-Восточной Красной армии, издаваемый комиссией по организации красного эшелона.

Отвечаем начинающим писателям

В. Сорокину.— Ваша пьеса **„Ошибка"**, наряду с достижениями (она показывает классовую борьбу в деревне, коллективизацию; написана свежим, простым крестьянским языком), имеет и недостатки. Неверен тип Михайлы (растратчика). „Драматизм" его надо переключить из плоскости личной в плоскость общественную. Ведь не бытовые условия сделали его врагом, а его классовая сущность. Не оправдывать жалостью к нему. Следует сделать упор на коллективизацию. Больше общественной динамики. Такая пьеса для деревни необходима.

А. Чуйкину.— Ваши стихи „Погиб друг-разведчик" сплошь насыщены чужими образами.

Осетрову.— Ваши стихи „Родные края" и „Письмо с завода" технически слабы, не продуманы, не имеют определенного стержня и единого настроения. Учитесь.

Борису Полевому.— В стихах „Новь" никакой нови нет. Тема старая, много раз повторена; стихи сделаны сплошь из общих, шаблонных фраз и неграмотны.

Вл. Андрееву.—В вашей „Борьбе" многое взято из „Буревестника" М. Горького. Полный и неудачный пересказ, где лишь буревестник заменен орлом. От такого „подражания" надо отказаться.

Д. Посланчику.—Альбомные стихи вы можете писать, но зачем же их слать в редколлегию?

П. Марочкину.— Стихи „Перед вечером" в рифмованной прозе дают перечисления явлений природы. Не художественны. Второе стих. также дает перечисления, как жили прежде и как живут теперь. Плохая проза. Учитесь.

Мартынову.—В стихах „За поляною хмурятся ели"— пессимистическая установка, отдает Надсоном. Стихи слабо проработаны художественно.

Конст. Шорикову.—Стихи „Рабочая клятва" поверхностно агитационны. Это— не поэзия, а рифмованная обычная газетная статья.

Круглову.— В стихах „Вечер"— сплошь чужие образы, буквально списанные. Чужое содержание.

Александру Чиненсву, Седому, В. Макарову, Барбашову, Алдонину, Миронову, Ясновидящей, Сиротину, Залетному, Плахову, Юрову.— Стихи ваши страдают неграмотностью. В них нет художественных образов, не соблюден размер, плохо рифмованы. Не спешите писать стихи, — спешите учиться. Больше читайте художественную литературу и пособия, как начинающему писателю научиться писать стихи и рассказы. Порекомендуем для начала книжку Шенгели.

ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ на журнал **„МОЛОТ"** на январь месяц и на весь **1930** год!

Годовые подписчики „Молота", а также полугодовые подписчики „КОММУНАРА" и „МОЛОТА" вместе получат БЕСПЛАТНО книгу СТИХОВ Макса Смирнова.

Издатель—газета „Коммунар". Редакционная коллегия { А. Ярцев, С. Володин, В. Старцев.

Тулокрлит № 1449 Типография Тулпечати, Тула, Коммунаров, 42. Заказ № 8738 Тираж 2250 экз.

40227